ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

ПОСМЕРТНАЯ

ГРИФЪ

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦЪ

ВТОРАЯ
КНИГА СТИХОВЪ
(ПОСМЕРТНАЯ)

ОБЛОЖКА А. АРНШТАМА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГРИФЪ“
МОСКВА — 1910

Типографія В. М. Саблина.

Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.

ТРИЛИСТНИКИ.

ТРИЛИСТНИКЪ СУМЕРЕЧНЫЙ.

СИРЕНЕВАЯ МГЛА.

Наша улица снѣгами залегла,
По снѣгамъ бѣжитъ сиреневая мгла.
Мимоходомъ только глянула въ окно,
И я понялъ, что люблю ее давно.
Я молилъ ее, сиреневую мглу:
„Погости, побудь со мной въ моемъ углу,
Не мою тоску ты давнюю развѣй,
Подѣлись со мной, желанная, своей!“
Но лишь издали услышалъ я отвѣтъ:
„Если любишь, такъ и самъ отыщешь слѣдъ,
Гдѣ надъ омутомъ синѣетъ тонкій ледъ,
Тамъ часочекъ погощу я, кончивъ лётъ,
А у печки-то никто насъ не видалъ...
Только тѣ мои, кто воленъ, да удалъ!“

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ.

Безслѣдно канулъ день. Желтѣя, на балконъ
Глядитъ туманный дискъ луны, еще безтѣнной,
И въ безнадежности распахнутыхъ оконъ,
Уже незрячія, тоскливо-бѣлы стѣны.

Сейчасъ наступитъ ночь. Такъ черны облака...
Мнѣ жаль послѣдняго вечерняго мгновенья:
Тамъ все, что прожито — желанье и тоска,
Тамъ все, что близится — унылость и забвенье...

Здѣсь вечеръ, какъ мечта: и робокъ и летучъ,
Но сердцу, гдѣ ни струнъ, ни слезъ, ни ароматовъ,
И гдѣ разорвано и слито столько тучъ...
Онъ какъ-то ближе розовыхъ закатовъ.

СВѢЧКУ ВНЕСЛИ.

Не мерещится-ль вамъ иногда,
Когда сумерки ходятъ по дому,
Тутъ же возлѣ иная среда,
Гдѣ живемъ мы совсѣмъ по другому.

Съ тѣнью тѣнь тамъ такъ мягко слилась,
Тамъ бываетъ такая минута,
Что лучами незримыми глазъ
Мы уходимъ другъ въ друга какъ будто.

И движеньемъ спугнуть этотъ мигъ
Мы боимся, иль словомъ нарушить,
Точно ухомъ кто возлѣ приникъ,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылаетъ свѣча,
Чуткій міръ уступаетъ безъ боя,
Лишь изъ глазъ по наклонамъ луча
Тѣни въ пламя сбѣгутъ голубое.

ТРИЛИСТНИКЪ СОБЛАЗНА.

МАКИ.

Веселый день горитъ... Среди сомлѣвшихъ травъ
Все маки пятнами — какъ жадное безсилье,
Какъ губы полныя соблазна и отравъ,
Какъ алыхъ бабочекъ развернутыя крылья.

Веселый день горитъ... Но садъ и пустъ и глухъ.
Давно покончилъ онъ съ соблазнами и пиромъ, —
И маки сохлые, какъ головы старухъ,
Осѣнены съ небесъ сіяющимъ потиромъ.

Варіантъ.

МАКИ ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Безуханно и цвѣтисто
Чей-то нѣжный сгибъ разогнутъ,
Крылья алаго батиста
Развернулись и не дрогнутъ...
Все, что нѣжитъ — даль да близь,
Оскорбивъ пятномъ кровавымъ —
Жадно маки разрослись
По сомлѣвшимъ тучнымъ травамъ.
Но не въ радость даже день имъ,
Темны пятна маковъ въ небѣ,
И тяжелымъ сномъ осеннимъ
Истомленъ ихъ яркій жребій.

Сномъ о томъ, что пусть и глухъ
Будетъ садъ, а въ немъ, какъ въ храмѣ,
Тяжки головы старухъ,
Осѣненныя Дарами...

СМЫЧОКЪ И СТРУНЫ.

Какой тяжелый, темный бредъ!
Какъ эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лѣтъ
И не узнать при свѣтѣ струны!

Кому-жъ нась надо? Кто зажегъ
Два желтыхъ лика, два унылыхъ...
И вдругъ почувствовалъ смычокъ,
Что кто-то взялъ и кто-то слилъ ихъ.

„О, какъ давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та-ли, та-ли?“
И струны ластились къ нему
Звеня, но ластясь трепетали.

„Неправда-ль, больше никогда
Мы не разстанемся? Довольно...“
И скрипка отвѣчала д а,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычокъ все понялъ, онъ затихъ,
А въ скрипкѣ эхо все держалось...
И было мукою для нихъ,
Что людямъ музыкой казалось.

Но человѣкъ не погасилъ
До утра свѣчъ... И струны пѣли...
Лишь солнце ихъ нашло безъ силъ
На черномъ бархатѣ постели.

ВЪ МАРТѢ.

Позабудь соловья на душистыхъ цвѣтахъ,
Только утро любви не забудь...
Да ожившей земли въ неожившихъ листахъ
Ярко-черную грудь!

Межъ лохмотьевъ рубашки своей снѣговой
Только разъ и желала она,—
Только разъ напоилъ ее Мартъ огневой,
Да пьянѣе вина!

Только разъ оторвать отъ разбухшей земли
Не могли мы завистливыхъ глазъ...
Только разъ мы холодныя руки сплели
И дрожа поскорѣе изъ сада ушли...
Только разъ... въ этотъ разъ...

ТРИЛИСТНИКЪ СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ.

ОДУВАНЧИКИ.

Захлопоталась дѣвочка
Въ зеленомъ кушакѣ,
Два желтые обсѣвочка
Сажая на пескѣ.

Не держатся и на-поди:
Песокъ ли имъ не радъ?
А солнцѣ ужъ на западѣ
И золотится садъ.

За ручкой руку бѣлую
Малютка отряхнетъ:
„Чуть ямочку продѣлаю,
Ее и замететъ...

Противные, упрямые!"
— Молчи, малютка дочь,
Коль непріятны ямы имъ,
Мы стебельки имъ прочь.

Вотъ видишь-ли: все къ лучшему,
Дитя, развеселись!
По холмику зыбучему
Двѣ звѣздочки зажглись.

Мохнатыя, шафранныя
Звѣздинки изъ цвѣтовъ...

Ну вотъ, моя желанная,
И садикъ твой готовъ.

Отпрыгаются ноженьки,
Весь высыплется смѣхъ,
А ночь придетъ—у Боженьки
Постельки есть для всѣхъ...

Заснешь ты, ангелъ-дѣвочка,
Въ пуху, на локоткѣ...
А желтыхъ два обсѣвочка
Распластаны въ пескѣ.

СТАРАЯ ШАРМАНКА.

Небо насъ совсѣмъ свело съ ума:
То огнемъ, то снѣгомъ насъ слѣпило
И ощерясь, звѣремъ, отступила
За Апрѣль упрямая зима.

Чуть на мигъ сомлѣетъ въ забытьи—
И опять на брови шлемъ надвинутъ,
И подъ настъ ушедшіе ручьи,
Не допѣвъ, умолкнутъ и застынутъ.

Но забыто прошлое давно,
Шуменъ садъ, а камень бѣлъ и гулокъ,
И глядитъ раскрытое окно,
Какъ трава одѣла закоулокъ.

Лишь шарманку старую знобитъ,
И она въ закатномъ млѣньѣ Мая
Все никакъ не смелетъ злыхъ обидъ,
Цѣпкій валъ кружа и нажимая.

И никакъ цѣпляясь не пойметъ
Этотъ валъ, что не къ чему работа,
Что обида старости растетъ
На шипахъ отъ муки поворота.

Но когда-бъ и понялъ старый валъ,
Что такая имъ съ шарманкой участь,
Развѣ-бъ пѣть кружась онъ переставъ
Оттого, что пѣть нельзя не мучась?..

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

Валъ Хмара - Барщевскому.

Въ желтый сумракъ мертваго Апрѣля,
Попрощавшись съ звѣздною пустыней,
Уплывала Вербная Недѣля
На послѣдней, на погиблой снѣжной льдинѣ.

Уплывала въ дымахъ благовонныхъ,
Въ замираньи звоновъ похоронныхъ,
Отъ иконъ съ глубокими глазами
И отъ Лазарей, забытыхъ въ черной ямѣ.

Сталъ высоко бѣлый мѣсяцъ на ущербѣ,
И за всѣхъ, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркія слезы по вербѣ
На румяныя щеки херувима.

ТРИЛИСТНИКЪ ОСЕННІЙ.

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ.

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сѣть нагихъ твоихъ вѣтвей
Никогда блѣднѣй не стыла просинь
И снѣговъ не помню я мертвѣй.

Я твоихъ печальнѣе отребій
И чернѣй твоихъ не видѣлъ водъ,
На твоемъ линяло-ветхомъ небѣ
Желтыхъ тучъ томитъ меня разводъ.

До конца все видѣть цѣпенѣя...
О, какъ этотъ воздухъ странно новъ...
Знаешь что... я думалъ, что больнѣе
Увидать пустыми тайны словъ...

АВГУСТЪ.

Еще горятъ лучи подъ сводами дорогъ,
Но тамъ, между вѣтвей все глуше и нѣмѣе:
Такъ улыбается блѣднѣющій игрокъ,
Ударовъ жребія считать уже не смѣя.

Ужъ день за сторами. Съ туманомъ по землѣ
Влекутся медленно унылые призывы...
А съ ними все душнѣй, дробится въ хрусталѣ
Еще вчерашній блескъ, и только астры живы...

Иль это — шествіе бѣлѣетъ сквозь листы?
И тамъ огни дрожатъ подъ матовой короной,
Дрожатъ и говорятъ: „А ты? Когда же ты?"
На мѣдномъ языкѣ истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница-ль уплыла,
Но проясняются на сердцѣ впечатлѣнья;
О, какъ я понялъ васъ: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цвѣтниковъ, гдѣ проступаетъ тлѣнье...

ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕНЪ-КОСКИ.

То было на Валленъ-коски.
Шелъ дождикъ изъ дымныхъ тучъ,
И желтыя мокрыя доски
Сбѣгали съ печальныхъ кручъ.

Мы съ ночи холодной зѣвали,
И слезы просились изъ глазъ;
Въ утѣху намъ куклу бросали,
Въ то утро въ четвертый разъ.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно въ сѣдой водопадъ,
И долго кружилась сначала,
Все будто рвалася назадъ.

Но даромъ лизала пѣна
Суставы прижатыхъ рукъ,—
Спасенье ея неизмѣнно
Для новыхъ и новыхъ мукъ.

Гляди, ужъ потокъ бурливый
Желтѣетъ, покоренъ и вялъ:
Чухонецъ-то былъ справедливый,
За дѣло полтинникъ взялъ.

И вотъ ужъ кукла на камнѣ,
И дальше идетъ рѣка...
Комедія эта была мнѣ
Въ то сѣрое утро тяжка.

Бываетъ такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчѣй.

Какъ листья тогда мы чутки:
Намъ камень сѣдой, оживъ,
Сталъ другомъ, а голосъ друга,
Какъ дѣтская скрипка, фальшивъ.

И въ сердцѣ сознанье глубоко,
Что съ нимъ родился только страхъ,
Что въ мірѣ оно одиноко,
Какъ старая кукла въ волнахъ...

ТРИЛИСТНИКЪ ЛУННЫЙ.

ЗИМНЕЕ НЕБО.

Талый снѣгъ налеталъ и слеталъ,
Разгораясь, румянились щеки,
Я не думалъ, что мѣсяцъ такъ малъ
И что тучи такъ дымно-далеки...

Я уйду, ни о чемъ не спросивъ,
Потому что мой вынулся жребій,
Я не думалъ, что мѣсяцъ красивъ,
Такъ красивъ и тревоженъ на небѣ...

Скоро полночь. Никто и ничей,
Утомленъ самымъ призракомъ жизни,
Я любуюсь на дымы лучей
Тамъ, въ моей обманувшей отчизнѣ.

ЛУННАЯ НОЧЬ ВЪ ИСХОДѢ ЗИМЫ.

Мы на полустанкѣ,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лѣсной полянкѣ...
Бредъ, — или воочью
Мы на полустанкѣ
И забыты ночью?
Далеко зашелъ ты,

Паровикъ усталый...
Доски блѣдно-желты,
Серебристо-желты,
И налипъ на шпалы
Иней мертво-талый.
Ужъ туда-ль зашелъ ты,
Паровикъ усталый?
Тишь-то въ лунномъ свѣтѣ,
Или только греза
Эти тѣни, эти
Вздохи паровоза
И, осеребренный
Мѣсяцемъ жемчужнымъ,
Этотъ длинный черный
Сторожъ станціонный
Съ фонаремъ ненужнымъ
На тѣни узорной?
Динь-динь-динь — и мимо,
Мимо грезы этой,
Такъ невозвратимо,
Такъ непоправимо
До конца не спѣтой,
И звѣнящей гдѣ-то
Еле ощутимо.

TRÄUMEREI.

Сливались ли это тѣни,
Только тѣни въ лунной ночи мая?
Это блики, или цвѣты сирени
Тамъ бѣлѣли, на колѣни
Ниспадая?
На яву-ль и тебя-ль безумно
И бездумно

Я любилъ въ томныхъ тѣняхъ мая?
        Припадая къ цвѣтамъ сирени
Лунной ночью, лунной ночью мая
        Я твои-ль цѣловалъ колѣни,
Разжимая ихъ и сжимая,
Въ томныхъ тѣняхъ, въ томныхъ тѣняхъ мая?
Или садъ былъ одно мечтанье
Лунной ночи, лунной ночи мая?
Или самъ я лишь тѣнь нѣмая?
Иль и ты лишь мое страданье,
                        Дорогая,
Оттого, что намъ нѣтъ свиданья
Лунной ночью, лунной ночью мая...

ТРИЛИСТНИКЪ ОБРЕЧЕННОСТИ.

БУДИЛЬНИКЪ.

Обручена разсвѣту
Печаль ея руладъ...
Какъ я игрушку эту
Не слушать былъ-бы радъ...

Пусть завтра будетъ та-же
Она, что и вчера...
Сперва хоть громче, глаже
Идетъ ея игра...

Но вотъ, ужъ не читая
Давно постылыхъ нотъ,
Гребенка золотая
Звенитъ, а не поетъ...

Цѣпляясь за гвоздочки,
Весь изъ безсвязныхъ фразъ,
Напрасно ищетъ точки
Томительный разсказъ,

О чьемъ-то недоборѣ
Косноязычный бредъ...
Докучный лепетъ горя
Ненаступившихъ лѣтъ,

Гдѣ нѣтъ ни слезъ разлуки,
Ни стылости небесъ,

Гдѣ сердце — счетчикъ муки,
Машинка для чудесъ...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Гдѣ прячется смѣшная
И лишняя Краса.

СТАЛЬНАЯ ЦИКАДА.

Я зналъ, что она вернется
И будетъ со мной — Тоска.
Звякнетъ и запахнется
Съ дверью часовщика...

Сердца стального трепетъ
Со стрекотаньемъ крылъ
Сцѣпитъ и вновь расцѣпитъ
Тотъ, кто ей дверь открылъ...

Жаднымъ крыломъ цикады
Нетерпѣливо бьютъ:
Счастью-ль, что близко, рады,
Муки-ль конецъ зовутъ?..

Столько сказать имъ надо,
Такъ далеко уйти...
Розно, увы, цикада,
Наши лежатъ пути.

Здѣсь мы съ тобой лишь чудо,
Жить намъ съ тобою теперь
Только минуту — покуда
Не распахнулась дверь...

Звякнетъ и запахнется,
И будешь ты такъ далека...
Молча сейчасъ вернется
И будетъ со мной — Тоска.

СОНЕТЪ.

Пока въ тоскѣ растущаго испуга
Томиться намъ живя еще дано,
Но ужъ сердцамъ обманывать другъ друга
И лгать себѣ хладѣя суждено;

Пока, прильнувъ сквозь мерзлое окно,
Насъ сторожитъ ночами Тѣнь недуга,
И лишь концы мучительнаго круга
Не сведены въ послѣднее звено, —

Хочу-ль понять, тоскою пожираемъ,
Тотъ міръ, тотъ мигъ съ его миражнымъ раемъ...
Ужъ мига нѣтъ — лишь мертвый брезжитъ свѣтъ...

А садъ заглохъ... и дверь туда забита...
И снѣгъ идетъ... и черный силуэтъ
Захолодѣлъ на зеркалѣ гранита.

ТРИЛИСТНИКЪ ОГНЕННЫЙ.

АМЕТИСТЫ.

Когда, сжигая синеву,
Багряный день растетъ неистовъ,
Какъ часто сумракъ я зову,
Холодный сумракъ аметистовъ.

Но чтобъ не знойные лучи
Сжигали грани аметиста,
А лишь мерцаніе свѣчи
Лилось тамъ жидко и огнисто.

И, лиловѣя и дробясь,
Чтобъ увѣряло тамъ сіянье,
Что гдѣ-то есть не наша связь,
А лучезарное сліянье...

СИЗЫЙ ЗАКАТЪ.

Близился сизый закатъ,
Воздухъ былъ нѣженъ и хмѣленъ
И отуманенный садъ
Какъ-то особенно зеленъ.

И о Незримой твердя
Въ тучахъ таимой печали,
Въ воздухѣ, полномъ дождя,
Трубы такъ мягко звучали.

Вдругъ — точно яркій призывъ,
Даль чѣмъ-то рѣзко разъялась:
Мягкія тучи пробивъ,
Мѣдное солнце смѣялось.

ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА.

Свѣтилась колдуньина маска,
Постукивалъ мѣрно костыль...
Моя новогодная сказка,
Послѣдняя сказка, не ты-ль?

О счастьѣ уста не молили,
Тѣнями былъ полонъ покой,
И чаши открывшихся лилій
Дышали нездѣшней тоской.

И взоры померкшіе нѣжа,
Съ тоской говорили цвѣты:
„Мы тѣ же, что были, все тѣ же,
Мы будемъ, мы вѣчны, а ты?“

Молчите! Иль грезить не лучше,
Когда чуть дымятся угли?..
Январское солнце не жгуче,
Такъ пылки его хрустали...

ТРИЛИСТНИКЪ КОШМАРНЫЙ.

КОШМАРЫ.

„Вы ждете? Вы въ волненьи? Это бредъ
Вы отворять ему идете?! Нѣтъ!
Поймите: къ вамъ стучится сумасшедшій,
Богъ знаетъ гдѣ и съ кѣмъ всю ночь проведшій,
Оборванный, и рѣчь его дика,
И камешковъ полна его рука;
Того гляди — другую опростаетъ,
Васъ листьями сухими закидаетъ,
Иль цѣловать задумаетъ, и слезъ
Останутся слѣды въ смятеньи косъ,
Коли отъ губъ удается скрыть лицо вамъ,
Смущеннымъ и мучительно пунцовымъ.
. . . . . .
Послушайте!.. Я только васъ пугалъ:
Тотъ далеко, онъ умеръ.... Я солгалъ.
И жалобы, и шопоты, и стуки,
Все это „шелестъ крови", голосъ муки...
Которую мы терпимъ, я-ли, вы-ли...
Иль вихри въ плѣнъ попались и завыли?
Да нѣтъ-же! Вы спокойны... Лишь у губъ
Змѣится что-то блѣдное... Я глупъ...
Свиданье здѣсь назначено другому...
Все понялъ я теперь: испугъ, истому
И влажный блескъ таимыхъ вами глазъ"...
Стучатъ? Идутъ? Она приподнялась...
Гляжу — фитиль у фонаря спустила,

Онъ розовый... Вотъ косы отпустила,
Взвились и пали косы... Вотъ ко мнѣ
Идетъ... И мы въ огнѣ, въ одномъ огнѣ...
Вотъ руки обвились и увлекаютъ,
А волосы и колютъ и ласкаютъ...
Такъ вотъ онъ умъ мужчины, тотъ гордецъ,
Не стоющій ни трепетныхъ сердецъ,
Ни влажнаго и розоваго зноя! . . . . .
. . . . . .
И вдругъ я весь сталъ существо иное...
Постель... Свѣча горитъ... На грустный тонъ
Лепечетъ дождь... Я спалъ и видѣлъ сонъ.

КІЕВСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Таютъ зеленыя свѣчи,
Тускло мерцаетъ кадило,
Что-то по самыя плечи
Въ землю сейчасъ уходило.

Чьи-то беззвучно уста
Молятъ дыханья у плитъ,
Кто-то нагнувшись „съ креста"
Желтой водой ихъ поитъ...

„Скоро-ль?"—Терпѣніе, скоро...
Звономъ наполнились уши,
А чернота корридора
Все безотвѣтнѣй и глуше...

Нѣтъ, не хочу, не хочу!
Какъ? Ни людей, ни пути?..
Гаситъ дыханье свѣчу...
Тише... Ты долженъ ползти...

ТО И ЭТО.

Ночь не таетъ. Ночь какъ камень,
Плача таетъ только ледъ,
И струитъ по тѣлу пламень
Свой причудливый полетъ.

Но лопочутъ даромъ тая
Ледышки на головѣ:
Не запомнить имъ считая,
Что подушекъ только двѣ.

И что надо лечь въ угарный,
Въ голубой туманъ костра,
Если тошенъ лучъ фонарный
На скользотѣ топора...

Но отрадной до разсвѣта
Сердце дремой залито,
Все проститъ имъ... если это
Только Это, а не То.

ТРИЛИСТНИКЪ ПРОКЛЯТІЯ.

ЯМБЫ.

О, какъ я чувствую накопленное бремя
Отравленныхъ ночей и грязно-блѣдныхъ дней!
Вы, карты, есть-ли что въ одно и то же время
Приманчивѣе васъ, пошлѣе и страшнѣй!

Вы страшны нѣжностью похмѣлья, и наукѣ,
Любви, поэзіи — всему васъ предпочтутъ!
Какія подлыя не пожималъ я руки,
Не соглашался съ чѣмъ?.. Скорѣй! Колоды ждутъ...

Зеленое сукно — цвѣтъ малахитовъ тины,
Весь въ пеплѣ тузъ червей на сломанномъ мѣлкѣ...
Подумай: жертву наканунѣ гильотины
Дурманятъ картами и въ каменномъ мѣшкѣ!..

ДОЛЯ.

(КУЛАЧИШКА.)

Цвѣсти — средь немолчнаго ада
То грузныхъ, то гулкихъ шаговъ
И стонущихъ блоковъ. и чада,
И стука бильярдныхъ шаровъ...

Любиться — пока полосою
Кровавой не вспыхнулъ востокъ,

Часочекъ, покуда съ косою
Не сладился бѣлый платокъ...

Скормить помыканьямъ и злобамъ
И сердце и силы до тла —
Чтобъ дочь за глазетовымъ гробомъ
Горбатая, съ зонтикомъ шла...

О НѢТЪ, НЕ СТАНЪ.

О нѣтъ, не станъ, пусть онъ такъ нѣжно-зыбокъ,
Я изъ твоихъ соблазновъ затаю
Не влажный блескъ малиновыхъ улыбокъ,
Страданія холодную змѣю.

Такъ иногда въ банально-пестрой залѣ,
Гдѣ вальсъ звенитъ, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля
И тѣнь, и Смерть надъ маской короля...

. . . . . .

Оставь меня. Мнѣ ложе стелетъ Скука.
Зачѣмъ мнѣ рай, которымъ грезятъ всѣ?
А если грязь и низость только мука
По гдѣ-то тамъ сіяющей красѣ...

ТРИЛИСТНИКЪ ПОБѢДНЫЙ.

ВОЛШЕБНАЯ ПРИЗМА.

Хрусталь мой волшебенъ трикраты:
Подъ первымъ устоемъ ребра —
Объятья съ мученьемъ разжаты,
Раскидано пламя костра.

Но вновь не увидишь костеръ ты,
Едва передвинешь устой —
Тамъ блѣдныя руки простерты
И мракъ обнимаютъ пустой...

Нажмешь ли устой ты послѣдній —
Ни сжатыхъ, ни рознятыхъ рукъ...
Но радуги нѣту побѣднѣй,
Чѣмъ радуга конченныхъ мукъ!..

ТРОЕ.

Ея факелъ былъ огненъ и алъ,
Онъ былъ талый и сумрачный снѣгъ:
Онъ глядѣлъ на нее и сгоралъ,
И сгоралъ отъ непознанныхъ нѣгъ.

Лоно смерти открылось черно,
Онъ не слышалъ призыва: живи, —
И осталось въ эѳирѣ одно
Безнадежное пламя любви.

Да на ложѣ глубокаго рва,
Пѣнной ризой покрыта до пять,
Одинокая грезитъ вдова —
И холодныя воды кипятъ...

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Кончилась яркая чара,
Сердце очнулось пустымъ,
Въ сердцѣ, какъ послѣ пожара,
Ходитъ удушливый дымъ.

„Кончилось" — жалкое слово,
Жалкаго слова не трусь:
Скоро въ остаткахъ былого
Я и сквозь дымъ разберусь.

Что не хотѣло обмана—
Все остается со мной...
Солнце за гарью тумана
Желто, какъ вставшій больной.

Жребій, о сердце, твой понятъ —
Стараго пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стѣнъ твоихъ черныхъ не тронетъ!

ТРИЛИСТНИКЪ ТРАУРНЫЙ.

ПЕРЕДЪ ПАНИХИДОЙ.

СОНЕТЪ.

Два дня здѣсь шепчутъ: прямъ и нѣмъ
Все тотъ же гость въ дому,
И вянутъ космы кризантэмъ
Въ удушливомъ дыму...

Гляжу и мыслю: миръ ему,
Но намъ-то, намъ-то всѣмъ,
Иль люкъ въ ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсѣмъ?

„Ахъ! Что мертвецъ! Но дочь, вдова“...
Слова, слова, слова.
Лишь Ужасъ въ бѣлыхъ зеркалахъ

Здѣсь молитъ и поетъ
И съ поясным поклономъ Страхъ
Намъ свѣчи раздаетъ...

БАЛЛАДА.

Н. С. Гумилеву.

День былъ ранній и молочно парный.
Скоро въ путь, поклажу прикрутили...
На шоссе передъ запряжкой парной
Фонари мигая закоптили.

Позади лишь вымершая дача,
Желтая и скользкая... Съ балкона
Холстъ повисъ ненужный тамъ, но спѣшно
Оборвавъ сломали георгины.

„Во блаженномъ"... и качнулись клячи,
Маскарадъ печалей ихъ измаялъ.
Желтый песъ у разоренной дачи
Билъ хвостомъ по ельнику и лаялъ...

Но сейчасъ же, вытянувши лапы,
На пескѣ разлегся, какъ въ постели...
Только мы, какъ сняли въ страхѣ шляпы—
Такъ надѣть ихъ больше и не смѣли.

...Будь ты проклята, левкоемъ и феноломъ
Равнодушно дышащая Дама!
Захочу — такъ самъ Тобой я буду...
— Захоти, попробуй! — шепчетъ Дама.

ПОСЫЛКА.

Вамъ я шлю стихи мои, когда-то
Ихъ вдали игравшіе солдаты!
Только ваши, безъ четверостишій,
Пѣли трубы горестнѣй и тише...

СВѢТЛЫЙ НИМБЪ.

СОНЕТЪ.

Зыбкимъ прахомъ закатныхъ полосъ
Были свѣчи давно облиты,
А куренье віясь все лилось,
Все блѣднѣя сжимались цвѣты.

И такъ были безумны мечты
Въ чадномъ морѣ моленій и слезъ,
На развившемся нимбѣ волосъ
И въ дыму ея черной фаты, —

Что въ отвѣтъ замерцалъ огонекъ
Въ аметистахъ тяжелыхъ серегъ.
Синій сонъ благовонныхъ кадилъ

Разошелся тогда-жъ безъ слѣда...
Отчего-жъ я фату навсегда,
Свѣтлый нимбъ навсегда полюбилъ?

ТРИЛИСТНИКЪ ТОСКИ.

ТОСКА ОТШУМѢВШЕЙ ГРОЗЫ.

Сердце-ль не томилося
        Желаніемъ грозы,
Сквозь вспышки бѣло-алыя?
А теперь влюбилося
        Въ бездонность бирюзы,
Въ ея глаза усталые!..

Все, что есть лазурнаго,
        Излилося въ лучахъ
На зыби злато̂швейныя,
Все, что тамъ безбурнаго
        И съ ласкою въ очахъ, —
Въ сады зеленовѣйные...

Въ стекла бирюзовыя
        Одна глядитъ гроза
Изъ чуждой ей обители...
Больше не суровые,
        Печальные глаза,
Любили-ль вы, простите-ли?..

ТОСКА ПРИПОМИНАНІЯ.

Мнѣ всегда открывается та-же,
Залитая черниломъ страница.
Я уйду отъ людей, но куда-же
Отъ ночей мнѣ куда схорониться?

Всѣ живые такъ стали далеки,
Все небытное стало такъ внятно,
И слились позабытыя строки
До зари въ мутно-черныя пятна.

Весь я тамъ въ невозможномъ отвѣтѣ,
Гдѣ миражныя буквы маячутъ...
... Я люблю, когда въ домѣ есть дѣти
И когда по ночамъ они плачутъ.

ТОСКА БѢЛАГО КАМНЯ.

(ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ ЛѢТОМЪ.)

Камни млѣютъ въ истомѣ,
Люди залиты свѣтомъ,
Есть-ли города лѣтомъ
Видъ постыло-знакомѣй?

Въ трафаретѣ готовомъ
Онъ — узоръ на посудѣ...
И не все-ли равно вамъ:
Камни тамъ или люди?

Сбита въ бѣлые камни
Нищетой блѣднолицей,
Эта одурь была мнѣ
Колыбелью — темницей.

Коль она не мелькаетъ
Безотрадно и чадно,
Такъ давя васъ смыкаетъ,
И уходишь такъ жадно

Въ лиловатость отсвѣтовъ
Съ высей блѣдно безбрежныхъ.

На двѣ цѣпи букетовъ
Возлѣ плитъ бѣлоснѣжныхъ.

Такъ, уставъ отъ узора,
Я мечтой замираю
Въ бѣломъ глянцѣ фарфора
Съ ободочкомъ по краю.

ТРИЛИСТНИКЪ ДОЖДЕВОЙ.

ДОЖДИКЪ.

Вотъ сизый чехолъ и распоротъ,—
Не все-жъ ему праздно висѣть,
И съ лязгомъ асфальтовый городъ
Хлестнула холодная сѣть...

Хлестнула и стала мотаться...
Сама серебристо-свѣтла,
Какъ масло въ рукѣ святотатца
Глазеты вокругъ залила.

И въ мигъ что̀ съ лазурью любилось,
Стыдливыхъ молчаній полно,—
Все темною пѣной забилось
И нагло стучится въ окно.

Въ песочной зароется ямѣ,
По трубамъ бѣжитъ и бурлитъ,
То жалкими брызнетъ слезами,
То радугой парной горитъ.

. . . .

О нѣтъ! Безъ твоихъ превращеній,
Въ одно что-нибудь застывай!
Не хочешь-ли дремой осенней
Окутать кокетливо Май?

Иль сдѣлаться Мною, быть можетъ,
Однимъ изъ упрямыхъ калѣкъ,
И всѣхъ увѣрять, что не дожитъ
И первый Овидіевъ вѣкъ:

Изъ сердца за Иматру лѣтъ
Ничто, молъ, у насъ не уходитъ—
И въ мокромъ асфальтѣ поэтъ
Захочетъ, такъ счастье находитъ.

ОКТЯБРЬСКІЙ МИѲЪ.

Мнѣ тоскливо. Мнѣ не въ мочь,
Я шаги слѣпого слышу:
Надо мною онъ всю ночь
Оступается о крышу.

И мои-ль, не знаю, жгутъ
Сердце слезы, или это
Тѣ, которыя бѣгутъ
У слѣпого безъ отвѣта.

Что бѣгутъ изъ мутныхъ глазъ
По щекамъ его поблеклымъ,
И въ глухой полночный часъ
Растекаются по стекламъ...

РОМАНСЪ БЕЗЪ МУЗЫКИ.

Въ непроглядную осень—туманны огни,
И холодныя брызги летятъ,
Въ непроглядную осень туманны огни,
Только слѣдъ отъ колесъ золотятъ.

Въ непроглядную осень туманны огни,
Но туманнѣй отравленный чадъ,
Въ непроглядную осень мы вмѣстѣ, одни,
Но сердца наши сжавшись молчатъ...
Ты отъ губъ моихъ кубокъ возьмешь непочатъ,
Потому что туманны огни...

ТРИЛИСТНИКЪ ПРИЗРАЧНЫЙ.

NOX VITAE.

Отрадна тѣнь, пока крушинъ
Вливаетъ кровь въ хлорозъ жасмина...
Но... вѣтеръ... клены... шумъ вершинъ
Съ упрекомъ давняго помина...

Но... въ блекло-призрачной лунѣ
Воздушно-черный станъ растеній,
И вы, на мрачной бѣлизнѣ
Вѣтвей тоскующія тѣни!

Какъ странно слиты садъ и твердь
Своимъ безмолвіемъ суровымъ,
Какъ Ночь напоминаетъ Смерть
Всѣмъ, даже выцвѣтшимъ покровомъ.

А все вѣдь только что сейчасъ
Лазурно было здѣсь, что нужды?
О, тѣни, я не знаю васъ,
Вы такъ глубоко сердцу чужды.

Неужто-жъ точно, Боже мой,
Я здѣсь любилъ, я здѣсь былъ молодъ,
И дальше некуда?... Домой
Пришелъ я въ этотъ лунный холодъ?

КВАДРАТНЫЯ ОКОШКИ.

О, дали лунно-талыя,
О, темно-снѣжный путь,
Болитъ душа усталая
И не даетъ заснуть.

За чахлыми горошками,
За мертвой резедой
Квадратными окошками
Бесѣдую съ луной.

Смиренно дума-странница
Сложила два крыла,
Но не мольбой туманится
Покой ея чела.

„Ты помнишь тиховѣйныя
Тѣ ночи, какъ утра,
И какъ ея кисейная
Тонка была чадра.

Ты помнишь сребролистую
Изъ мальвовыхъ полосъ,
Какъ ты чадру душистую
Не смѣлъ ей снять съ волосъ?

И какъ, тоской измученный,
Такъ и не зналъ потомъ —
Узломъ-ли были скручены
Они или жгутомъ?"

— Молчи, воспоминаніе,
О, грудь моя, не ной!
Она была желаннѣе
Мнѣ тайной и луной.

За чару-жъ сребролистую
Тюльпановъ на фатѣ

Я сто обѣденъ выстою,
Я изнурюсь въ постѣ!

„А знаешь ли, что тутъ она?"
— Возможно-ль, столько лѣтъ?
„Гляди—фатой окутана...
Узналъ ты узкій слѣдъ?

Такъ страстно не разгадана,
Въ чадрѣ живой, какъ дымъ,
Она на волнахъ ладана
Надъ куколемъ твоимъ."

— Она... да только съ рожками,
Съ трясучей бородой —
За чахлыми горошками,
За мертвой резедой...

МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТЪ.

Едва пчелиное гудѣнье замолчало,
Ужъ ноющій комаръ приблизился звеня...
Какихъ обмановъ ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустотѣ оконченнаго дня?

Мнѣ нуженъ талый снѣгъ подъ желтизной огня,
Сквозь потное стекло свѣтящаго устало,
И чтобы прядь волосъ такъ близко отъ меня,
Такъ близко отъ меня, развившись, трепетала...

Мнѣ надо дымныхъ тучъ съ померкшей высоты,
Круженья дымныхъ тучъ, въ которыхъ нѣтъ былого,
Полузакрытыхъ глазъ и музыки мечты,

И музыки мечты, еще не знавшей слова...
О, дай мнѣ только мигъ, но въ жизни, не во снѣ,
Чтобъ могъ я стать огнемъ, или сгорѣть въ огнѣ!

ТРИЛИСТНИКЪ ЛЕДЯНОЙ.

ЛЕДЯНАЯ ТЮРЬМА.

Пятно жерла стѣною огибая,
Минутно ледъ туманный позлащенъ...
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущенъ!

Истомлена сверканіемъ напраснымъ,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудесъ въ дыму полудня красномъ
У солнца нѣтъ побѣднаго луча.

Ты помнишь мигъ свѣтила, но иного,
Въ тебя не тѣ глядѣлися цвѣты,
И твой конецъ на сердцѣ у больного,
Коль подъ землей не задохнешься ты.

Но не желай свидѣтелемъ безмолвнымъ
До чаръ весны сберечь свой синій плѣнъ...
Ты не мечта, ты будешь только тлѣнъ
Раскованнымъ и громозвучнымъ волнамъ.

СНѢГЪ.

Полюбилъ бы я зиму,
Да обуза тяжка...
Отъ нея даже дыму
Не уйти въ облака.

Эта рѣзанность линій,
Этотъ грузный полетъ,
Этотъ нищенски-синій
И заплаканный ледъ!

Но люблю ослабѣлый
Отъ заоблачныхъ нѣгъ —
То сверкающе бѣлый,
То сиреневый снѣгъ...

И особенно талый,
Когда, выси открывъ,
Онъ ложится усталый
На скользящій обрывъ;

Точно стада въ туманѣ
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

ДОЧЬ ІАИРА.

Слабы травы, бѣлы плиты,
И звонитъ побѣдно мѣдь:
„Голубые льды разбиты,
И они должны сгорѣть."

Точно кружитъ солнце, зимній
Долгій плѣнъ свой позабывъ,
Только мнѣ въ пасхальномъ гимнѣ
Смерти слышится призывъ.

Вѣдь подъ снѣгомъ сердце билось,
Тамъ тянулась жизни нить,

Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего-жъ съ контуровъ нѣжной,
Непорочной красоты
Грубо сорванъ саванъ снѣжный,
Жечь зачѣмъ ея цвѣты?

Для чего такъ сине пламя,
Раскаленность такъ бѣла,
И гудя съ колоколами
Слили звонъ колокола?

Тотъ, грѣхи подъявшій міра,
Осушившій рѣки слезъ,
Такъ-ли дочерь Іаира
Поднялъ нѣкогда Христосъ?

Не мигнулъ фитиль горящій,
Не зазыбилъ вѣтеръ ткань...
Подошелъ Спаситель къ спящей
И сказалъ ей тихо: „Встань!“

ТРИЛИСТНИКЪ ВАГОННЫЙ.

ТОСКА ВОКЗАЛА.

О, канунъ вѣчныхъ будней,
Скуки липкое жало...
Въ пыльномъ зноѣ полудней
Гулъ и краска вокзала...

Полумертвыя мухи
На забитомъ кіоскѣ,
На пролитой известкѣ
Слѣпы, жадны и глухи.

Флагъ линяло-зеленый,
Пара бѣлые взрывы,
И трубы отдаленной
Безъ отзыва призывы.

И эмблема разлуки
Въ обманувшемъ свиданьѣ —
Кондуктòръ однорукій
У часовъ въ ожиданьѣ...

Есть-ли что-нибудь нуднѣй,
Чѣмъ недвижная точка,
Чѣмъ дрожанье полудней
Надъ дремотой листочка...

Что-нибудь, но не это...
Подползай — ты обязанъ;

Какъ ты жарокъ, измазанъ,
Все равно — ты не это!

Уничтожиться, канувъ
Въ этотъ омутъ безликій,
Прямо въ одурь дивановъ,
Въ полосатые тики!..

ВЪ ВАГОНѢ.

Довольно дѣлъ, довольно словъ,
Побудемъ молча, безъ улыбокъ,
Снѣжитъ изъ низкихъ облаковъ,
А горній свѣтъ унылъ и зыбокъ.

Въ непостижимой имъ борьбѣ
Мятутся черныя ракиты,
До завтра, говорю тебѣ:
Сегодня мы съ тобою квиты!

Хочу не грезя, не моля,
Пускай безмѣрно виноватый,
Глядѣть на бѣлыя поля
Черезъ стекло съ налипшей ватой.

А ты красуйся, ты — гори,
Ты увѣряй, что ты простила...
Гори полоской той зари,
Вокругъ которой все застыло.

ВНЕЗАПНЫЙ СНѢГЪ.

Снѣговъ нѣмую черноту
Прижгло два глаза изъ тумана,
И дымъ остался на лету
Горящимъ золотомъ фонтана.

Я знаю — пышущій драконъ,
Весь занесенъ пушистымъ снѣгомъ,
Сейчасъ порветъ мятежнымъ бѣгомъ
Завороженной дали сонъ.

А съ нимъ, усталые рабы,
Обречены холодной ямѣ,
Влачатся тяжкіе гробы,
Скрипя и лязгая цѣпями.

Пока съ разбитымъ фонаремъ,
На половину притушеннымъ,
Среди кошмара думъ и дремъ
Проходитъ Полночь по вагонамъ.

Она — какъ призрачный монахъ
И чѣмъ ея дозоры глуше,
Тѣмъ больше чада въ черныхъ снахъ
И затеканій и удушій;

Тѣмъ больше словъ, какъ бы не словъ,
Тѣмъ отвратительнѣй дыханье,
И запрокинутыхъ головъ
Въ подушкахъ красныхъ колыханье.

Какъ воръ, намѣтившій карманъ,
Она тиха, пока мы живы,
Лишь молча точитъ свой дурманъ
Да тушитъ черные наплывы.

А снизу стукъ, а съ боку гулъ,
Да все безцѣльнѣй, безымяннѣй...
И мерзокъ тѣмъ, кто не заснулъ
Хаосъ полусуществованій!

Но таетъ ночь... И дряхлъ и сѣдъ,
Еще вчера Закатъ осенній,

Приподнимается Разсвѣтъ
Съ одра его томившей Тѣни.

Забывшимъ за ночь свой недугъ
Въ глаза опять глядитъ терзанье,
И дребезжитъ сильнѣе стукъ,
Дробя налеты обмерзанья.

Пары желтѣющей стѣной
Загородили красный пламень...
...И стойко долженъ зубъ больной
Перегрызать холодный камень.

ТРИЛИСТНИКЪ БУМАЖНЫЙ.

СПУТНИЦѢ.

Какъ чисто гаснутъ небеса,
Какою прихотью ажурной
Уходятъ дальніе лѣса
Въ ту высь, что знали мы лазурной...

Въ твоихъ глазахъ упрека нѣтъ:
Ты тучъ закатныхъ догоранье
И сизо-розовый отсвѣтъ
Встрѣчаешь, какъ воспоминанье.

Но я тоски не поборю:
Въ пустынѣ выжженнаго неба
Я вижу мертвую зарю
Изъ незакатнаго Эреба.

Уйдемъ... Мнѣ болѣе не въ мочь
Застылость этихъ четкихъ линій
И этотъ сводъ картонно-синій...
Пусть будетъ солнце или ночь!..

НЕЖИВАЯ.

На бумагѣ синей,
Грубо, грубо синей,
Но въ тончайшей сѣткѣ,
Разметались вѣтки,
Вѣтки-паутинки.
А по вѣткамъ иней,
Самоцвѣтный иней,
Точно сахаринки...
По бумагѣ синей
Разметались вѣтки,
Слезы были ѣдки...
Бѣдная тростинка,
Милая тростинка,
И чего хлопочетъ?
Все увѣрить хочетъ,
Что она живая,
Что, изнемогая —
(Полно, дорогая!) —
И она ждетъ мая,
Вѣтреныхъ объятій
И зеленыхъ платьевъ,
Засыпать подъ сказки
Соловьиной ласки,
И проснуться, щуря
Заспанные глазки
Отъ огня лазури.
На бумагѣ синей,
Грубо, грубо синей
Разметались вѣтки,
Вѣтки-паутинки.
Заморозилъ иней
У сухой тростинки
На бумагѣ синей
Всѣ ея слезинки.

О-ФОРТЪ.

Гулъ печальный и дрожащій
Не разлился — и застылъ...
Надъ серебряною чащей
Алый дымъ и темный пылъ.

А вдали рисунокъ четкій —
Лѣса синіе верхи:
Какъ на мѣди крѣпкой водкой
Проведенные штрихи.

Ясенъ путь, да страшенъ жребій,
Застывая онѣмѣть, —
И по мертвомъ солнцѣ въ небѣ
Стонетъ раненая мѣдь.

Неподвижно въ кольца дыма
Черной думы врѣзанъ дымъ...
И она была язвима —
Только ядомъ долгихъ зимъ.

ТРИЛИСТНИКЪ ВЪ ПАРКѢ.

Я НА ДНѢ.

Я на днѣ, я печальный обломокъ,
Надо мной зеленѣетъ вода.
Изъ тяжелыхъ стеклянныхъ потемокъ
Нѣтъ путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полета,
Бѣлый мраморъ, подъ нимъ водоемъ,
Помню дымъ отъ струи водомета
Весь изнизанный синимъ огнемъ..

Если-жъ вѣрить тѣмъ шопотамъ бреда,
Что томятъ мой постылый покой,
Тамъ тоскуетъ по мнѣ Андромеда
Съ искалѣченной бѣлой рукой.

БРОНЗОВЫЙ ПОЭТЪ.

На синемъ куполѣ бѣлѣютъ облака
И четко въ высь ушли кудрявыя вершины,
Но пыль ужъ свѣтится, а тѣни стали длинны,
И къ сердцу призраки плывутъ издалека.

Не знаю, повѣсть-ли была такъ коротка,
Иль я не дочиталъ послѣдней половины?..
На блѣдномъ куполѣ погасли облака,
И ночь уже идетъ сквозь черныя вершины...

И стали—и скамья и человѣкъ на ней
Въ недвижномъ сумракѣ тяжеле и страшнѣй.
Не шевелись — сейчасъ гвоздики засверкаютъ,

Воздушные кусты сольются и растаютъ,
И бронзовый поэтъ, стряхнувъ дремоты гнетъ,
Съ подставки на траву росистую спрыгнетъ.

„PACE".

СТАТУЯ МИРА.

Межъ золоченыхъ бань и обелисковъ славы
Есть дѣва бѣлая, а вкругъ густыя травы.

Не тѣшитъ тирсъ ее, она не бьетъ въ тимпанъ,
И бѣломраморный ее не любитъ Панъ.

Одни туманы къ ней холодные ласкались
И раны черныя отъ влажныхъ губъ остались.

Но дѣва красотой по прежнему горда,
И травъ вокругъ нея не косятъ никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Надъ сердцемъ сладкое имѣетъ обаянье...

Люблю обиду въ ней, ея ужасный носъ,
И ноги сжатыя, и грубый узелъ косъ.

Особенно когда холодный дождикъ сѣетъ
И нагота ея безпомощно бѣлѣетъ...

О, дайте вѣчность мнѣ,—и вѣчность я отдамъ
За равнодушіе къ обидамъ и годамъ.

ТРИЛИСТНИКЪ ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

ТОСКА МАЯТНИКА.

Неразгаданнымъ надрывомъ
Подоспѣлъ сегодня срокъ;
Въ стекла дождикъ бьетъ порывомъ,
Вѣтеръ пробуетъ крючокъ.

Точно вымерло все въ домѣ...
Желтъ и черенъ мой огонь,
Гдѣ-то тяжко по соломѣ
Переступитъ звякнувъ конь.

Тѣло скорбно и разбито,
Но его волнуетъ жуть,
Что обиженно-сердито
Кто-то мнѣ не дастъ уснуть.

И лежу я околдованъ,
Развѣ тѣмъ и виноватъ,
Что на бѣлый циферблатъ
Пышный розанъ намалеванъ.

Да по стѣнкѣ ночь и день,
Въ душной клѣткѣ человѣчьей,
Ходитъ-машетъ сумасшедшій,
Волоча нѣмую тѣнь.

Ходитъ-ходитъ, вдругъ отскочитъ,
Зашипитъ — отмѣрилъ часъ,

Зашипитъ и захохочетъ,
Залопочетъ горячась.

И опять шагами мѣрить
На стѣнѣ дрожащій свѣтъ,
Да стеречь, нельзя ль провѣрить,
Спятъ-ли люди, или нѣтъ.

Ходитъ-машетъ, а для такта
И уравнивая шагъ,
Съ злобнымъ рвеньемъ „такъ-то", „такъ-то"
Повторяетъ маніакъ...

Все потухло. Больше въ ямѣ
Не видать и не слыхать...
Только кто-же тамъ махать
Продолжаетъ рукавами?

Нѣтъ! Довольно... хоть едва,
Хоть тоскливо даль бѣлѣетъ,
И на пледѣ голова
Не безъ сладости хмѣлѣетъ.

КАРТИНКА.

Мелко, мелко, какъ изъ сита,
Въ тарантасъ дождитъ туманъ,
Блѣдный день встаетъ сердито,
Не успѣвъ стряхнуть дурманъ.

Пусть и ровенъ путь мой дальній...
Лишь у черныхъ деревень
Безконечный все печальнѣй,
Словно дождь косой, плетень.

Чу... Проснулся грай вороній,
Въ шалашѣ встаетъ пастухъ,
И сквозь тучи липкихъ мухъ
Тяжело ступаютъ кони.

Но узлы сѣдыхъ хвостовъ
У буланой нашей тройки,
Доски свѣжія мостовъ,
Доски черныя постройки

Все поплыло въ хлябь и смѣсь, —
Пересмякло, послипалось...
Ночью мнѣ совсѣмъ не спалось,
Не попробовать-ли здѣсь?

Да, заснешь... чтобъ быть безъ шапки.
Вотъ дѣла... — Держи къ одной! —
Глядь, замотанная въ тряпки,
Амазонка предо мной.

Лѣтъ семи всего — ручонки
Такъ и впилися въ узду,
Не даютъ пастись кляченкѣ,
А другая — въ поводу.

Жаднымъ взглядомъ проводила,
Обернувшись, экипажъ
И въ туманѣ затрусила,
Чтобъ исчезнуть, какъ миражъ.

И щемящей укоризнѣ
Уступило забытье:
„Это — праздникъ для нея.
Это — утро, утро жизни!".

СТАРАЯ УСАДЬБА.

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тѣни дома? Тѣни сада? Не пойму.

Садъ старинный—все осины—тощи, страхъ!
Домъ—руины... Тины, тины что въ прудахъ...

Что утратъ-то!.. Братъ на брата... Что обидъ!..
Прахъ и гнилость... Накренилось... А стоитъ...

Чье жилище? Пепелище?.. Уголъ чей?
Мертвой нищей логовище безъ печей...

Ну, какъ встанетъ, ну, какъ глянетъ изъ окна:
„Взять не можешь, а тревожишь, старина!

Ишь затѣйникъ! Ишь забавникъ! Что за прыть!
Любитъ древнихъ, любитъ давнихъ ворошить...

Не сфальшивишь, такъ иди ужъ: у меня
Не въ окошкѣ, такъ изъ кошки два огня.

Дамъ и брашна—волчьихъ ягодъ, бѣлены...
Только страшно—мѣсяцъ за годъ у луны...

Столько вышекъ, сколько лѣстницъ—двери нѣтъ...
Встанетъ мѣсяцъ, глянетъ мѣсяцъ—гдѣ твой слѣдъ?..“

Тсс... ни слова... даль былого—но сквозь дымъ
Мутно зрима... Мимо, мимо... И къ живымъ!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тѣни дома? шума сада?.. Не пойму...

ТРИЛИСТНИКЪ ТОЛПЫ.

ПРЕЛЮДІЯ.

Я жизни не боюсь. Своимъ бодрящимъ шумомъ
Она даетъ горѣть, даетъ свѣтиться думамъ.
Тревога, а не мысль растетъ въ безлюдной мглѣ,
И холодно цвѣтамъ ночами въ хрусталѣ.
Но въ праздности моей разсѣяны мгновенья,
Когда мучительно душѣ прикосновенье,
И я дрожу средь васъ, дрожу за свой покой,
Какъ спичку на вѣтру загородивъ рукой...
Пусть это только мигъ... Въ тотъ мигъ меня не трогай,
Я ощупью иду тогда своей дорогой...
Мой взглядъ разсѣянный въ молчаньѣ запримѣть
И не мѣшай другимъ вокругъ меня шумѣть.
Такъ лучше. Только-бы меня не замѣчали
Въ туманѣ, можетъ быть, и творческой печали...

ПОСЛѢ КОНЦЕРТА.

Въ аллею черныя спустились небеса,
Но сердцу въ эту ночь не превозмочь усталость...
Погасшіе огни, нѣмые голоса,
Неужто это все, что отъ мечты осталось?

О, какъ печаленъ былъ одеждъ ея атласъ,
И вырѣзъ жутко-бѣлъ среди наплечій черныхъ!

Какъ жалко было мнѣ ея недвижныхъ глазъ
И снѣжной лайки рукъ, молитвенно покорныхъ!

А сколько было тамъ развѣяно души
Среди разсѣянныхъ, мятежныхъ и безслезныхъ!
Что звуковъ пролито, взлелѣянныхъ въ тиши,
Сиреневыхъ и ласковыхъ и звѣздныхъ!

Такъ съ нити порванной въ волненьи иногда,
Средь мѣсячныхъ лучей, и нѣжны и огнисты,
Въ росистую траву катятся аметисты
И гибнутъ безъ слѣда.

БУДДІЙСКАЯ МЕССА ВЪ ПАРИЖѢ.

Ѳ. Фр. Зѣлинскому.

Колонны, желтыми увитыя шелками,
И платья pêche и mauve въ немного яркой рамѣ,
Среди струистыхъ смолъ и лепета звонковъ,
И ритмы странные тысячелѣтнихъ словъ,—
Слегка смягченные въ осенней позолотѣ,—
Вы въ памяти моей сегодня оживете.

* * *

Священнодѣйствовалъ базальтовый монголъ,
И таялъ медленно таинственный глаголъ
Въ капризно созданномъ среди музея храмѣ,
Чтобъ дамы черными играли вѣерами
И тайнѣ чуждыя, какъ свѣжій ихъ ирисъ,
Лишь переводчикамъ внимали строго миссъ.

* * *

Мой взоръ разсѣянный шелковъ ласкали пятна,
Мнѣ въ таинствѣ была лишь музыка понятна.

Но тѣмъ внимательнѣй созвучья я ловилъ,
Я ритмами дышалъ, какъ волнами кадилъ,
И было стыдно мнѣ пособій блѣдной прозы
Для той мистической и музыкальной грезы.

. . .

Обѣдня кончилась, и сразу ожилъ залъ,
Монголъ съ улыбкою цвѣты намъ раздавалъ
И, экзотичные вдыхая ароматы,
Спѣшили къ выходу пѣвцы и дипломаты
И дамы, бережно поддерживая тренъ,—
Чтобъ слушать вечеромъ Маскотту иль Карменъ.

. . .

А въ воздухѣ жила непонятая фраза,
Рожденная душой въ мученіи экстаза,
Чтобъ чистыя сердца въ ней пили благодать...
И странно было мнѣ и жутко увидать,
Какъ надъ улыбками спускалися вуали
И пальцы нѣжные цвѣты боговъ роняли.

ТРИЛИСТНИКЪ БАЛАГАННЫЙ

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЛДЕНЬ.

Серебрянымъ блескомъ туманъ
Къ полудню еще не развѣянъ,
Къ полудню отъ солнечныхъ ранъ
Сталъ даже желтѣе туманъ,
Сталъ даже желтѣй и мертвѣй онъ...
А полдень горитъ такъ суровъ,
Что мнѣ въ этотъ часъ непріятны
Лиловыхъ и алыхъ шаровъ
Межъ клочьями мертвыхъ паровъ
Въ глаза замелькавшія пятна...
И что̀ ей тутъ надо скакать,
Безумной и радостной сворѣ,
Все солнце ловить и искать?
И солнцу съ чего-жъ ихъ ласкать,
Воздушныхъ на мертвомъ просторѣ!
Подумать,— что помпа бюро,
Огней и парчи серебро,
Должна потускнѣть въ ѳиміамѣ:
Пришли Арлекинъ и Пьеро,
О бѣлая помпа бюро,
И стали у гроба съ свѣчами!

ШАРИКИ ДѢТСКІЕ.

Шарики, шарики!
Шарики дѣтскіе!
Деньги отецкія!
Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалѣй пятишни:
Запущу подъ самое нёбо—
Два часа потомъ глазѣй, да въ оба!
Хорошо вѣдь, говорятъ, на волѣ...
Чирикнуть, ваше степенство, что-ли?
Прикажите для общаго восторгу,
Три семьдесять пять—безъ торгу!
        Ужели-же менѣе
        За освободительное движеніе?
        Что? Пасуешь?..
Эй, тетка, который торгуешь?
        Малъ?
Извините, какого поймалъ...
        Бываетъ—
Другой и выростаетъ,
А нашъ Титъ
Такъ себя понимаетъ,
Что брюха не раститъ,
А все по верхамъ глядитъ
Отъ большихъ отъ думъ!..
Ты который торгуешь?
Да не мни, не кумъ,
Наблудишь,— не надуешь...
        Шарики дѣтски,
        Красны, лиловы,
        Очень дешёвы!
        Шарики дѣтски!
Эй, воротникъ, говоришь по-нѣмецки?
Такъ бери десять штукъ по парамъ,

Остальные да̀ромъ...
Жа̀лко, ты по нѣмецки слабенекъ,
А не то--уговоръ лучше денегъ!
Пожалте, старичокъ!
Какъ вы—чокъ въ чокъ—
Вотъ этотъ--пузатенькій,
        Желтоватенькій
И на сердцѣ съ Катенькой...
        Цѣна не цѣна—
        Всего пятакъ,
Да развѣ еще четвертакъ,
А прибавишь гривенникъ для барства—
Бери съ гербомъ государства!
        Шарики дѣтски, шарики!
        Вамъ, сударики, щарики,
        А намъ-бы, сударики, на шкалики!

УМИРАНІЕ.

Слава Богу, снова тѣнь!
Для чего-то спозаранья
Надо мною цѣлый день
Длится это умиранье,
Цѣлый сумеречный день!
Между старыхъ желтыхъ стѣнъ,
Доживая горькій плѣнъ,
Содрогается опалый
Шаръ на ниткѣ, темно-алый,
Между старыхъ желтыхъ стѣнъ...
И безсильный, точно тѣнь,
Въ этотъ сумеречный день,
Все еще онъ тянетъ нитку
И никакъ не кончитъ пытку,
Въ этотъ сумеречный день...

Хоть бы ночь скорѣе, ночь!
Самому бы изнемочь,
Да забыться примиреннымъ,
И уйти-бы одуреннымъ
Въ одуряющую ночь!
Только-бъ тотъ, надъ головой,
Темно-алый, чуть живой,
Подождалъ пока надъ ложемъ
Быть такимъ со мною схожимъ...
Этотъ темный, чуть живой,
Тамъ, надъ самой головой...

ТРИЛИСТНИКЪ ВЕСЕННІЙ.

ЧЕРНАЯ ВЕСНА.

(ТАКТЪ.)

Подъ гулы мѣди — гробовой
Творился переносъ,
И, жутко задранъ, восковой
Глядѣлъ изъ гроба носъ.

Дыханья что-ли онъ хотѣлъ
Туда, въ пустую грудь?..
Послѣдній снѣгъ былъ темно-бѣлъ
И тяжекъ рыхлый путь.

И только изморозь, мутна,
На тлѣніе лилась,
Да тупо Черная Весна
Глядѣла въ студень глазъ —

Съ облѣзлыхъ крышъ, изъ бурыхъ ямъ,
Съ позеленѣлыхъ лицъ..
А тамъ, по мертвеннымъ полямъ
Съ разбухшихъ крыльевъ птицъ...

О люди! Тяжекъ жизни слѣдъ
По рытвинамъ путей,
Но ничего печальнѣй нѣтъ,
Какъ встрѣча двухъ смертей.

И БРОДЯТЪ ТѢНИ.

И бродятъ тѣни, и молятъ тѣни:
„Пусти, пусти!“
Отъ этихъ лунныхъ осеребреній
Куда-жъ уйти?

Зеленый призракъ куста сирени
Прильнулъ къ окну...
Уйдите тѣни, оставьте тѣни
Со мной одну!..

Она недвижна, она нѣмая,
Съ слѣдами слезъ,
Съ двумя кистями сиреней мая
Въ извивахъ косъ...

Но и неслышнымъ я вѣренъ пенямъ,
И какъ въ бреду,
На гравій сада я по ступенямъ
За ней сойду...

О, блѣдный призракъ, скажи скорѣе
Мои вины,
Покуда стекла на галлереѣ
Еще черны.

Цвѣты завянутъ, цвѣты обманны,
Но я, я — твой!..
Въ туманѣ холодъ, въ туманѣ раны
Передъ зарей...

ОБЛАКА.

Пережиты ли тяжкіе проводы,
Иль глаза мнѣ глядятъ, неизбѣжные,
Какъ тогда вы мнѣ кажетесь молоды,
Облака, мои лебеди нѣжные!

Тѣ не снятся далекія грозы вамъ,
Все-бы въ небѣ вамъ плавать да нѣжиться,
Только подъ-вечеръ въ облакѣ розовомъ
Будто дѣвичье сердце забрезжется...

Но не дружны вы съ пѣснями звонкими,
Разойдусь я, такъ вы затуманитесь,
Безнадежно, полосками тонкими,
Расплываясь, другъ къ другу все тянетесь...

Улетятъ мои пѣсни пугливыя,
Въ сердцѣ смѣнится радость раскаяньемъ,
А вы все надо мною, ревнивыя,
Будто плачете дымчатымъ таяньемъ...

ТРИЛИСТНИКЪ ШУТОЧНЫЙ.

ПЕРЕБОЙ РИТМА.

СОНЕТЪ.

Какъ ни гулокъ, ни живучъ — Ям-
— бъ, утомленъ и онъ затихъ,
Средь мерцаній золотыхъ,
Уступивъ инымъ созвучьямъ.

То-то вдругъ по голымъ сучьямъ
Прозы утра, градь шутихъ,
На листы велѣньимъ щучьимъ
За стихомъ поскачетъ стихъ.

Узнаю васъ, близкій рампѣ,
Другъ крылатый эпиграммъ, Пэ-
— она третьяго размѣръ.

Вы играли ужъ при мер-
— цаньи утра блѣдной лампѣ
Танцы нѣжные Химеръ.

ПЭОНЪ ВТОРОЙ—ПЭОНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОНЕТЪ.

На службу лести иль мечты
Равно готовые консорты,
Назвать васъ вы, назвать васъ ты,
Пэонъ второй—пэонъ четвертый?

Какъ на монетахъ ваши стерты
Когда-то свѣтлыя черты,
И строки мшистыя плиты
Глазурью льете вы на торты.

Вы — сине-призрачныхъ высотъ
Въ колодцѣ снимокъ помертвѣлый,
Вы — блокъ пивной осатанѣлый,

Вы — тотъ посыльный въ Новый годъ,
Что орхидеи намъ несетъ,
Дыша въ башлыкъ обледенѣлый.

ЧЕЛОВѢКЪ.

СОНЕТЪ.

Я завожусь на тридцать лѣтъ,
Чтобъ жить, мучительно дробя
Лучи отъ призрачныхъ планетъ
На „да“ и „нѣтъ“, на „ахъ!“ и „бя“.

Чтобъ жить, волнуясь и скорбя
Надъ тѣмъ, чего, гляди, и нѣтъ...
И былъ бы вѣрно я поэтъ,
Когда-бы выдумалъ себя.

Въ работѣ-ль тамъ не безъ прорухъ,
Иль въ механизмѣ есть подвохъ,
Но былъ-бы мой безсмертный духъ —

Теперь не духъ, онъ былъ бы Богъ...
Когда-бъ не „пиль!“ да не „тубо!“
Да не „тю-тю“ послѣ „бо-бо!“...

ТРИЛИСТНИКЪ ЗАМИРАНІЯ.

Я ЛЮБЛЮ.

Я люблю замираніе эхо
Послѣ бѣшеной тройки въ лѣсу,
За сверканьемъ задорнаго смѣха
Я истомы люблю полосу.

Зимнимъ утромъ люблю надо мною
Я лиловый разливъ полутьмы,
И, гдѣ солнце горѣло весною,
Только розовый отблескъ зимы.

Я люблю на блѣднѣющей шири
Въ переливахъ растаявшій цвѣтъ...
Я люблю все, чему въ этомъ мірѣ
Ни созвучья, ни отзвука нѣтъ.

ЗАКАТНЫЙ ЗВОНЪ ВЪ ПОЛѢ.

Въ блесткахъ туманится лѣсъ,
Въ тѣняхъ мѣняются лица,
Въ синюю пустынь небесъ
Звоны уходятъ молиться...

Звоны, возьмите меня!
Сердце такъ слабо и сиро...

Пыль отъ сверканія дня
Дразнитъ возможностью мира...

Что онъ сулитъ, этотъ зовъ?
Или и мы тамъ застынемъ,
Какъ жемчуга острововъ
Стынутъ по заводямъ синимъ?

ОСЕНЬ.

. . . .
Не било четырехъ... Но блѣдное свѣтило
Едва лишь купола надъ нами золотило
И, въ выцвѣтшей степи туманная рѣка,
Такъ плавно двигались надъ нами облака.
И столько мягкости таило ихъ движенье,
Забывшихъ ядъ измѣнъ и муку расторженья,
Что сердцу музыки хотѣлось для него...
Но снѣгъ лежалъ въ горахъ, и было тамъ мертво,
И оборвали въ ночь свистѣвшіе буруны
Межъ небомъ и землей протянутыя струны...
А къ утру кто-то намъ, развѣявъ молча сны,
Напомнилъ шопотомъ, что мы осуждены...
Гряда не двигалась и точно застывала,
Ночь надвигалась ощущеніемъ провала...

ТРИЛИСТНИКЪ ОДИНОЧЕСТВА.

ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМЪ.

Лишь тому, чей покой таимъ,
Сладко дышится..
Полотно надъ окномъ моимъ
Не колышется.

Ты придешь, коль вѣрна мечтамъ,
Только та-ли ты?
Знаю: садъ тамъ, сирени тамъ
Солнцемъ залиты.

Хорошо въ голубомъ огнѣ
Въ свѣжемъ шелестѣ,
Только яркой такъ чужды мнѣ
Чары прелести...

Пчелы въ улей тамъ носятъ медъ,
Пьяны гроздами...
Сердце жъ только во снѣ живетъ
Между звѣздами...

АРОМАТЪ ЛИЛЕИ МНѢ ТЯЖЕЛЪ.

Ароматъ лилеи мнѣ тяжелъ,
Потому что въ немъ таится тлѣнье,
Лучше смолъ дыханье, синихъ смолъ,
Только пить его безъ раздѣленья...

Оттолкнувъ соблазны красоты,
Я влюблюсь въ ея миражи въ дымѣ...
И огней нетлѣнные цвѣты
Я одинъ увижу голубыми...

ДАЛЬНІЯ РУКИ.

Зажимъ былъ такъ сладостно-суженъ,
Что пурпуръ дремоты поблекъ,—
Я розовыхъ, узкихъ жемчужинъ
Губами узналъ холодокъ.

О сестры, о нѣжныя десять,
Двѣ ласково-дружныхъ семьи,
Васъ пологомъ ночи завѣсить
Такъ рады желанья мои.

Вы — гейши фонарныхъ свѣченій,
Пять розъ, обрученныхъ стеблю,
Но нѣтъ у Киприды священнѣй
Не сказанныхъ вами люблю.

Какъ мускусъ мучительный мумій,
Какъ душный тайникъ туберозъ,
И я — только стѣблемъ раздумій
Къ пугающей сказкѣ приросъ...

Мои — вы, о дальнія руки,
Вашъ сладостно-сильный зажимъ
Я выносилъ въ холодѣ скуки,
Я счастьемъ обвѣялъ чужимъ...

Но знаю... дремотно хмѣлѣя —
Я брошу волшебную нить,
И мнѣ будутъ сниться, алмея,
Слова, чтобъ тебя оскорбить.

СКЛАДНИ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

I.

РАБОЧАЯ КОРЗИНКА.

У раздумій беззвучны слова,
Какъ искать ихъ люблю въ тишинѣ я!
Надо только,
черна и мертва,
Чтобы ночь позабылась полнѣе,
Чтобы ночь позабылась скорѣй
Между рѣдкихъ своихъ фонарей,
За угломъ,
Какъ покинутый домъ...
Позабылась по тихимъ столовымъ,
Надъ тобою, въ лиловомъ...
Чтобъ со скатерти трепетный кругъ
Не спускалъ своихъ желтыхъ разлитій,
И мерцанья замедленныхъ рукъ
Разводили тамъ сѣрыя нити,
И чтобъ ты разнимала съ тоской
Эти нити одну за другой,
Разнимала и послѣ клубила,
И сиреневой рѣдью игла
За мерцающей нитью ходила...
А потомъ, равнодушно свѣтла,
Съ тихимъ скрипомъ соломенныхъ петель,
Бережливо простыни сколовъ,
Тамъ заснула и ты, Добродѣтель,
Между путанно-нѣжныхъ мотковъ...

2.

СТРУЯ РЕЗЕДЫ ВЪ ТЕМНОМЪ ВАГОНѢ.

Dors, dors, mon enfant!

Не буди его въ тусклую рань,
Поцѣлуемъ дремоту согрѣй...
Но сама — вся дрожащая — встань:
Ты одна, ты царишь... Но скорѣй!
Для тебя оживилъ я мечту,
И минуты ся на счету...

. . . .

Такъ беззвучна, черна и тепла
Резедой напоенная мгла...
Въ голубыхъ фонаряхъ,
Межъ листовъ, на вѣтвяхъ,
Безъ числа
Восковыя сіянья плывутъ.
И въ саду,
Какъ въ бреду
Кризантэмы цвѣтутъ...

. . . .

. . . .

Все, что можешь ты *тамъ*, все ты смѣешь теперь
Ни мольбамъ, ни упрекамъ не вѣрь!

. . . .

Пока свѣчи плывутъ
И левкои живутъ,
Пока дышитъ во снѣ резеда —
Здѣсь ни мукъ, ни грѣха, ни стыда...

. . . .

Ты боишься въ крови
Своихъ холеныхъ ногъ,
И за бѣлый вѣнокъ
Въ безпорядкѣ косы?..
О, молчи! Не зови!

Какъ минуты — часы
Не таимой и нѣжной красы.
. . . . На вѣтвяхъ,
Въ фонаряхъ догорѣла мечта
Голубыхъ кризантэмъ...

. . . .

Ты очнешься — свѣжа и чиста,
И совсѣмъ... о, совсѣмъ!
Безъ смятенья въ лицѣ,
Въ обручальномъ кольцѣ...

. . . .

Стрѣлка будетъ показывать с е м ь...

КОНТРАФАКЦІИ.

ВЕСНА.

Въ жидкой заросли парка береза жила,
И черна, и суха, какъ унылость...
Въ майскій полдень тамъ дѣвушка шляпу сняла,
И коса у нея распустилась.
Ея милый дорѣзалъ узорную вязь,
И на вѣтку березы, смѣясь,
Онъ цвѣтистую шляпу надѣлъ.
. . . .
Это Май подглядѣлъ
И дивился съ своей голубой высоты,
Какъ на мертвой березѣ и ярки цвѣты.

ОСЕНЬ.

. . . .
И всю ночь тамъ по мѣсяцу дымы вились,
И всю ночь кто-то жалостно-чуткій
На скамьѣ тамъ дремалъ, уходя въ котелокъ.
. . . .
А къ разсвѣту, въ молочномъ туманѣ повисъ
На березѣ искривленно-жуткій
И мучительно-черный стручокъ,
Чуть пониже растрепанныхъ гнѣздъ,
А длиной — въ человѣческій ростъ...
И глядѣла съ сомнѣніемъ просинь
На родившую позднюю Осень.

СКЛАДЕНЬ РОМАНТИЧЕСКІЙ.

I.

НЕБО ЗВѢЗДАМИ ВЪ ТУМАНѢ...

Небо звѣздами въ туманѣ не расцвѣтится,
Робкій вечеръ ихъ сегодня не зажегъ...
Только томныя по окнамъ елки свѣтятся,
Да кружася заметаетъ насъ снѣжокъ.

Мѣхъ рѣсницъ твоихъ пушинки закидавшія
Не даютъ тебѣ въ глаза мои смотрѣть,
Сами слезы, только сердца не сжигавшія,
Сами звѣзды, но уставшія горѣть...

Это ихъ любви безумною обидою
Противъ воли твои звѣзды залиты...
И мучительно снѣжинкамъ я завидую,
Потому что ими плачешь ты...

2.

МИЛАЯ.

„Милая, милая, гдѣ-жъ ты была
Ночью, въ такую метелицу?"
— Горю и ночью дорога свѣтла,
Къ дѣдкѣ ходила на мельницу. —

„Милая, милая, я не пойму
Рѣчи съ словами притворными...

Съ чѣмъ-же ты ночью ходила къ нему?"
— Съ чѣмъ я ходила? Да съ зернами. —

„Милая, милая, зерна-то чьи-жъ?
Жита я нынче не кашивалъ!"
— Зерна-то чьи, говоришь? Да твои-жъ...
Впрочемъ, хозяинъ не спрашивалъ... —

„Милая, милая, гдѣ-же мука?
Куль-то, что былъ подъ передникомъ?"
— У колеса, гдѣ вода глубока...
Лысый сегодня съ наслѣдникомъ...

ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ.

Нависнетъ ли пламенный зной,
Иль пѣнясь расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Однимъ и дыханьемъ мы полны.

Намъ буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И въ ночи беззвѣзднаго юга,
Когда такъ привольно-темно, —
Сгорая коснуться другъ друга
Однимъ парусамъ не дано...

ДВѢ ЛЮБВИ.

С. В. ф.-Штейнъ.

Есть любовь, похожая на дымъ:
Если тѣсно ей — она дурманитъ,
Дай ей волю — и ея не станетъ...
Быть какъ дымъ, — но вѣчно молодымъ...

Есть любовь похожая на тѣнь:
Днемъ у ногъ лежитъ — тебѣ внимаетъ,
Ночью такъ неслышно обнимаетъ...
Быть какъ тѣнь, но вмѣстѣ ночь и день...

ДРУГОМУ.

Я полюбилъ безумный твой порывъ,
Но быть тобой и мной нельзя же сразу,
И вѣщихъ сновъ іероглифы раскрывъ,
Узорную пишу я четко фразу.

Фигурно тамъ отобразился страхъ,
И какъ тоска бумагу сердца мяла,
Но по строкамъ, какъ призракъ на пирахъ,
Тѣнь движется такъ дѣланно и вяло.

Твои мечты — мэнады по ночамъ,
И лунный вихрь въ сверканіи размаха
Имъ волны косъ взметаетъ по плечамъ...
Мой лучшій сонъ — за тканью Андромаха.

На головѣ ея эшафодажъ,
И тотъ прикрытъ кокетливо платочкомъ,
Зато нигдѣ мой строгій карандашъ
Не уступалъ своихъ созвучій точкамъ.

Ты весь — огонь. И за костромъ ты чистъ.
Испепелишь, но не оставишь пятенъ,
И богъ ты тамъ, гдѣ я лишь моралистъ,
Ненужный гость, неловокъ и невнятенъ.

Пройдутъ года... Быть можетъ, мѣсяца...
Иль даже дни, — и мы сойдемъ съ дороги:
Ты—въ лепесткахъ душистаго вѣнца,
Я просто такъ, задвинутый на дроги.

Наперекоръ завистливой судьбѣ
И нищетѣ убого-слабодушной,
Ты памятникъ оставишь по себѣ,
Незыблемый, хоть сладостно-воздушный...

Моей мечты безслѣдно минетъ день...

. . . . . .

Какъ знать? А вдругъ, съ душой подвижнѣй моря,
Другой поэтъ ея полюбитъ тѣнь
Въ нетронуто-торжественномъ уборѣ...

Полюбитъ, и узнаетъ, и пойметъ
И увидавъ, что тѣнь проснулась, дышитъ, —
Благословитъ нѣмой ея полетъ
Среди людей, которые не слышатъ...

Пусть только-бы въ круженьи бытія
Не вышло такъ, что этотъ духъ влюбленный,
Мой братъ и магъ не оказался *я*,
Въ ничтожествѣ слегка лишь подновленный...

ОНЪ И Я.

Давно межъ листьевъ налились
Истомой розовой тюльпаны,
Но страстно въ сумрачную высь
Уходитъ рокотъ фортепьянный.

И мука тамъ иль торжество,
Разоблаченье иль загадка,
Но Онъ—ничей, а вы — его,
И вамъ сознанье это сладко.

А я лучей иной звѣзды
Ищу въ сомнѣньи и тревожно,
Я, какъ настройщикъ, все лады
Перебираю осторожно.

Темнѣетъ... Комната пуста,
Съ трудомъ я вспоминаю что-то,
И безотвѣтна, хоть чиста,
За нотой умираетъ нота.

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ.

НЕВОЗМОЖНО.

Есть слова. Ихъ дыханье—что цвѣтъ:
Такъ-же нѣжно и бѣло-тревожно;
Но межъ нихъ ни печальнѣе нѣтъ,
Ни нѣжнѣе тебя, невозможно.

Не познавъ, я въ тебѣ ужъ любилъ
Эти въ бархатъ ушедшіе звуки:
Мнѣ являлись мерцанья могилъ
И сквозь сумракъ бѣлѣвшія руки...

Но лишь въ бѣломъ вѣнцѣ кризантэмъ,
Передъ первой угрозой забвенья,
Этихъ вэ, этихъ зэ, этихъ эмъ
Различить я сумѣлъ дуновенья.

И запомнивъ, невѣстой въ саду
Какъ въ апрѣлѣ тебя разубрали,—
У забитой калитки я жду,
Позвонить къ сторожамъ не пора-ли?..

Если слово за словомъ—что цвѣтъ,
Упадаетъ, бѣлѣя тревожно,
Не печальныхъ межъ павшими нѣтъ,
Но люблю я одно—невозможно.

СЕСТРѢ.

А. Н. Анненской.

Вечеръ. Зеленая дѣтская
Съ низкимъ ея потолкомъ,
Скучная книга нѣмецкая,
Няня въ очкахъ и съ чулкомъ.

Желтый, въ дешевомъ изданіи,
Будто я вижу романъ...
Даже прочелъ бы названіе,
Если-бъ не этотъ туманъ.

Вы еще были Алиною,
Съ розовой думой въ очахъ,
Въ платьѣ съ большой пелериною,
Съ сѣрымъ платкомъ на плечахъ...

Въ стулъ утопая колѣнами,
Взора я съ Васъ не сводилъ,
Нѣжныя, съ тонкими венами,
Руки я Ваши любилъ.

Словъ непонятныхъ теченіе
Было мнѣ музыкой сферъ...
Гдѣ ожидалъ столкновенія
Вашихъ особенныхъ *р*...

Въ мѣдномъ подсвѣчникѣ сальная
Свѣчка у няни плыветъ...
Милое, тихо-печальное,
Все это въ сердцѣ живетъ...

ЗАБВЕНІЕ.

Нерасцѣпленныя звенья,
Неосиленная тѣнь,—
И забвенье, но забвенье,
Какъ осенній мягкій день,

Какъ полудня солнце въ храмѣ
Сквозь узоръ стекла цвѣтной,—
Съ заметенною листами,
Но горящею волной...

Намъ—упреки, намъ—усталость,
А оно уйдетъ, какъ дымъ,
Пережито, но осталось
На портретѣ молодымъ,

СТАНСЫ НОЧИ.

О. П. Хмара-Барщевской.

Межъ тѣней погасли солнца пятна
На пескѣ въ загрезившемъ саду.
Все въ тебѣ такъ сладко-непонятно,
Но твое запомнилъ я: „приду".

Черный дымъ, но ты воздушнѣй дыма,
Ты нѣжнѣй пушинокъ у листа,
Я не знаю, кѣмъ, но ты любима,
Я не знаю, чья ты, но мечта.

За тобой въ пустынные покои
Не сойдутъ алмазные огни,
Для тебя душистые левкои
Здѣсь ковромъ раскинулись одни.

Эту ночь я помню въ давней грезѣ,
Но не я томился и желалъ:
Сквозь фонарь, забытый на березѣ,
Талый воскъ и плакалъ и пылалъ.

МѢСЯЦЪ.

Sunt mihi bis septem...

Кто сильнѣе меня—ихъ и сватай...
Истомились—и все не слились:
Этотъ сумракъ голубоватый
И бѣлесая высь...

Этотъ мартовскій колющій воздухъ
Съ зябкой ночью на таломъ снѣгу
Въ еле тронутыхъ зеленью звѣздахъ
Я сливаю и слить не могу...

Ужъ не ты-ль и колдуешь, жемчужный,
Ты, кому остальные ненужны,

Ихъ не твой-ли развелъ и ущербъ,
На горѣломъ пятнѣ желтосерпъ,

Ты, скиталецъ небесъ праздносумый,
Съ иронической думой?..

ТОСКА МЕДЛЕННЫХЪ КАПЕЛЬ.

О капли въ ночной тишинѣ,
Дремотнаго духа трещотка:
Дрожа набухаютъ онѣ
И падаютъ мѣрно и четко.

Въ недвижно-безсонной ночи
Ихъ лязга не ждать не могу я:
Фитиль одинокой свѣчи
Мигаетъ и пышетъ тоскуя.

И мнится, я долженъ таясь
На странномъ присутствовать бракѣ,
Понявъ безнадежную связь
Двухъ тающихъ жизней во мракѣ.

ТРИНАДЦАТЬ СТРОКЪ.

Я хотѣлъ бы любить облака
На зарѣ... Но мнѣ горекъ ихъ дымъ:
Такъ неволя тогда мнѣ тяжка,
Такъ я помню, что былъ молодымъ.

Я любить-бы ихъ вечеръ хотѣлъ,
Когда рдѣя тамъ гаснутъ лучи,
Но отъ жертвы ихъ розовыхъ тѣлъ
Только пепелъ мнѣ снится въ ночи.

Я люблю только ночь и цвѣты
Въ хрусталѣ, гдѣ дробятся огни,—
Потому что утѣхой мечты
Въ хрусталѣ умираютъ они...
Потому что—цвѣты это ты.

ОРІАНДА.

Ни бѣлой дерзостью палатъ на высотахъ,
Съ орлами яркими въ узорныхъ воротахъ,
Ни женской прихотью арабскихъ очертаній

Не могъ бы сердца я лелѣять неустаннѣй.
Но въ пятнахъ розовыхъ по силуэтамъ скалъ
Напрасно я души, своей души искалъ...
Я съ нею встрѣтился въ картинномъ запустѣньи
Сгорѣвшаго дворца—гдѣ нѣжное цвѣтенье
Бѣжитъ по мрамору разбитыхъ ступеней,
Гдѣ въ полдень старый садъ печальнѣй и темнѣй,
А синіе лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забытью фонтана.
Я будто чувствовалъ, что тамъ ее найду,
Съ косматымъ лебедемъ играющей въ пруду,
И что подѣлимся мы ветхою скамьею
Близъ корня дерева, что поднялся змѣею,
Дорогой на скалу, гдѣ грезитъ крестъ литой
Надъ просвѣтленною страданьемъ красотой.

ДРЕМОТНОСТЬ.

СОНЕТЪ.

Въ гроздьяхъ розово-лиловыхъ
Безуханная сирень
Въ этотъ душно-мягкій день
Неподвижна, какъ въ оковахъ.

Солнца нѣтъ, но съ тѣнью тѣнь
Въ сочетаньяхъ вѣчно новыхъ,
Нѣтъ дождя, а слезъ готовыхъ
Рѣки—только литься лѣнь.

Полусонъ, полусознанье,
Грусть, но безъ воспоминанья,
И всему проститъ душа...

А донявъ-ли холодъ ранитъ,
Мягкій дождикъ не спѣша
Такъ безшумно барабанитъ.

НЕРВЫ.

ПЛАСТИНКА ДЛЯ ГРАММОФОНА.

Какъ эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о Господи, сосна!
Балконъ подъ крышею. Жена мотаетъ гарусъ.
Мужъ такъ сидитъ. За ними холстъ, какъ парусъ.
Надъ самой клумбочкой прилаженъ ихъ балконъ.
„Ты думаешь—не онъ... А если онъ?
Все вяжетъ, Боже мой... Посудимъ хоть немножко..."
...Морошка, ягода, морошка!..
„Вотъ только-бы спустить лиловую тетрадь?"
— „Что, барыня, шпинату будемъ брать?"
— Возьмите, Аннушка!—
„Да тамъ еще на стѣнкѣ
Видалъ записку я, такъ..."
...Хороши гребэнки!
„А... почтальонъ идетъ... Петровымъ писемъ нѣтъ?"
— Корреспонденціи одна газета Свѣтъ.—
„Ну что-жъ? устроила?"— Спалила подъ плитою.—
„Неосмотрительность какая!.. Передъ тою?
А я тутъ такъ рѣшилъ: сперва соображу,
И ужъ потомъ тебѣ всѣ факты изложу...
Еще чего у насъ законопатить нѣтъ-ли?"
— Я все сожгла.—Вздохнувъ, считаетъ молча петли...
„Не замѣчала ты: сегодня мимо насъ
Какой-то господинъ проходитъ третій разъ?"
— Да мало-ль ходитъ ихъ...—
„Но этотъ ищетъ, рыщетъ,
И по глазамъ замѣтно, что онъ сыщикъ"...

-- Чего-жъ у насъ искать-то? Боже мой! —
„А Вася-то зачѣмъ не сыщется домой?“
— „Тамъ къ барину пришелъ за пачпортами дворникъ“.
„Ко мнѣ пришелъ?!. А день какой?“—„Авторникъ“.
„Не выйдешь-ли къ нему, мой другъ! Я нездоровъ“...

...Ландышовъ свѣжихъ. ландышовъ!

„Ну что? Какъ съ дворникомъ? Ему бы хоть прибавить!“
—Вотъ вздоръ какой. За что же?—

...Бритвы править...

„Присядь-же ты спокойно! Кись-кись-кись...“
—Ахъ, право, шелъ-бы ты по воздуху пройтись!
Иль ты вообразилъ, что мнѣ такъ сладко маяться...—

...Яица свѣжія, яица!

Яичекъ свѣженькихъ?..

Но вылилась и злоба...
Разсѣлись по угламъ и плачутъ оба...
Какъ эти улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о Господи, сосна!

ВЕСЕННІЙ РОМАНСЪ.

Еще не царствуетъ рѣка,
Но синій ледъ она ужъ топитъ;
Еще не таютъ облака,
Но снѣжный кубокъ солнцемъ допитъ...

Черезъ притворенную дверь
Ты сердце шелестомъ тревожишь...
Еще не любишь ты, но вѣрь:
Не полюбить уже не можешь..

ОСЕННІЙ РОМАНСЪ.

Гляжу на тебя равнодушно,
А въ сердцѣ тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится въ дыму.

Я знаю, что сонъ я лелѣю,—
Но вѣренъ хоть снамъ я, — а ты?..
Ненужною жертвой въ аллею
Падутъ умирая листы...

Судьба насъ сводила слѣпая:
Богъ знаетъ, мы свидимся-ль тамъ...
Но знаешь?.. Не смѣйся, ступая
Весною по мертвымъ листамъ!

СРЕДИ МІРОВЪ.

Среди міровъ, въ мерцаніи свѣтилъ
Одной Звѣзды я повторяю имя...
Не потому, чтобъ я Ее любилъ,
А потому, что я томлюсь съ другими.

И если мнѣ сомнѣнье тяжело,—
Я у Нея одной молю отвѣта,
Не потому, что отъ Нея свѣтло,
А потому, что съ Ней не надо свѣта.

МІРАЖИ.

То полудня пламень синій,
То разсвѣта пламень алый,
Я-ль усталъ отъ четкихъ линій,
Солнце-ль самое устало...

Но чрезъ пологъ темнолистый
Я дождусь другого солнца,
Цвѣта мальвы золотистой,
Или розы и червонца.

Будетъ взорамъ такъ пріятно
Утопать въ сѣтяхъ зеленыхъ,
А потомъ на темныхъ кленахъ
Зажигать цвѣтныя пятна.

Пусть миражнаго круженья
Черезъ мигъ погаснутъ свѣты...
Пусть я — радость отраженья,
Но не то-ль и вы, поэты?

ГАРМОНІЯ.

Въ туманѣ волнъ и брызги серебра
И стертыя эмалевыя краски...
Я такъ люблю осеннія утра
За нѣжную невозвратимость ласки!

И пѣну я люблю на берегу,
Когда она бѣлѣетъ безпокойно...
Я жадно здѣсь, покуда небо знойно,
Остатокъ дней туманныхъ берегу.

А гдѣ-то тамъ мятутся средь огня
Такія жъ *я*, безъ счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается въ тоскѣ существованье...

ВТОРОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТЪ.

Вихри мутнаго ненастья
Тайну бѣлую хранятъ...
Колокольчики запястья
То умолкнутъ, то звенятъ...

Ужасъ краденаго счастья—
Губъ холодныхъ медъ и ядъ,
Жадно пью я, весь объятъ
Лихорадкой сладострастья.

Этотъ сонъ, сѣдая мгла,
Ты одна создать могла,
Снѣга скрипъ, мельканье тѣни,

На стеклѣ узоръ куреній,
И созвучье изъ тепла,
Губъ, и мѣха, и сирени...

БАБОЧКА ГАЗА.

Скажите, что́ сталось со мной?
Что сердце такъ жарко забилось?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

Въ немъ сила иль мука моя,
Въ волненьи не чувствую сразу:
Съ мерцающихъ строкъ бытія
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водитъ-ли тать
По скопищу литеръ унылыхъ?

Мнѣ фразы нельзя не читать
Но къ ней я вернуться не въ силахъ...

Не вспыхнуть ей было не въ мочь,
Но мракъ она только тревожитъ:
Такъ бабочка газа всю ночь
Дрожитъ, а сорваться не можетъ...

РАЗЛУКА.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

Этого быть не можетъ,
        Это—подлогъ...
День такъ тянулся и дожитъ,
        Иль не доживъ изнемогъ?..
        Этого быть не можетъ...
Съ самыхъ тѣхъ поръ
Въ горлѣ какой-то комокъ...
        Вздоръ...
Этого быть не можетъ,
        Это—подлогъ...
Ну-съ, проводилъ на поѣздъ,
        Вернулся и solo, да!
Здѣсь былъ ея кольчатый поясъ,
        Брошка лежала—звѣзда,
Вѣчно открытая сумочка
        Безъ замка,
И, такъ безконечно мягка,
Въ прошивкахъ красная думочка...
. . . . . .
        Залъ...
Я нѣжное что-то сказалъ,
        Стали прощаться,
Возлѣ часовъ, у стѣнки...

Губы не смѣли разжаться,
Склеены...
Оба мы были разсѣяны,
Оба такіе холодные,
Мы...
Пальцы ея въ черной митенкѣ
Тоже холодные...
„Ну, прощай, до зимы,
Только не той, и не другой,
И не еще—послѣ другой...
Я-жъ, дорогой,
Вѣдь не свободная“...
— Знаю, что ты — въ застѣнкѣ...—
Послѣ она
Плакала тихо у стѣнки,
И стала бумажно-блѣдна...
Кончить бы злую игру...
Что-жъ бы еще?
Губы хотѣли любить горячо,
А на вѣтру
Лишь улыбались тоскливо...
Что-то въ нихъ было застыло,
Даже мертво...
Господи, я и не зналъ, до чего
Она некрасива...
Ну, слава Богу, пускаютъ садиться...
Мокрымъ платкомъ осушая лицо,
Мнѣ отдала она это кольцо...
Слиплись еще разъ холодныя лица,
Какъ въ забытьи,—
И
Поѣздъ еще стоялъ—
Я убѣжалъ...
... Но этого быть не можетъ,
Это—подлогъ...

День или годъ и ужъ дожитъ,
Иль не доживъ изнемогъ...
Этого быть не можетъ...

CANZONE.

Если-бъ вдругъ ожила небылица,
На окно я поставлю свѣчу.
Приходи... Мы не будемъ дѣлиться,
Все отдать тебѣ счастье хочу!

Ты придешь и на голосъ печали,
Потому что свѣтла и нѣжна,
Потому что тебя обѣщали
Мнѣ когда-то сирень и луна.

Но... бываютъ такія минуты,
Когда страшно и пусто въ груди...
Я тяжелъ—и нѣмой и согнутый...
Я хочу быть одинъ... уходи!..

ДЫМЫ.

(ЗИМНІЙ ПОѢЗДЪ.)

Въ бѣломъ полѣ былъ пепельный балъ
Тѣни были тамъ нѣжно-желанны,
Упоительный танецъ сливалъ,
И клубилъ, и дымилъ ихъ воланы!

Чередой, застилая мнѣ даль,
Проносились плясуньи мятежной,

И была вѣковая печаль
Въ нѣжномъ танцѣ безъ музыки нѣжной.

А внизу содроганье и стукъ
Говорили, что ужасъ не прожитъ;
Громыхая цѣпями, Недугъ
Тамъ сковалъ-бы воздушныхъ—не можетъ.

И была-ль такъ постыла имъ степь,
Или мука капризно-желанна,—
То и дѣло желѣзную цѣпь
Задѣвала оборка волана.

ДѢТИ.

Вы за мною? Я готовъ.
Нагрѣшили, такъ отвѣтимъ.
Намъ—острогъ, но имъ—цвѣтовъ...
Солнца, люди, нашимъ дѣтямъ!

Въ дѣтствѣ тоньше жизни нить,
Дни короче въ эту пору...
Не спѣшите ихъ бранить,
Но балуйте... безъ зазору.

Вы несчастны, если вамъ
Непонятенъ дѣтскій лепетъ,
Вызвать шопотъ—это срамъ,
Горше—въ дѣтяхъ вызвать трепетъ...

Но безвинныхъ дѣтскихъ слезъ
Не омыть и покаяньемъ,
Потому что въ нихъ Христосъ,
Весь, со всѣмъ своимъ сіяньемъ.

Ну а тѣ, что терпятъ боль,
У кого какъ нитки руки...
Люди! Братья! Не за то-ль
И покой нашъ только въ мукѣ...

МОЯ ТОСКА.

М. А. Кузмину.

Пусть травы смѣнятся надъ капищемъ волненья,
И восковой въ гробу забудется рука,
Мнѣ кажется, межъ васъ одно недоумѣнье
Все будетъ жить мое, одна моя Тоска...

Нѣтъ, не о тѣхъ, увы! кому столь недостойно,
Ревниво, бережно и страстно былъ я милъ...
О, сила любящихъ и въ мукѣ такъ спокойна,
У женской нѣжности завидно много силъ.

Да и при чемъ-бы здѣсь недоумѣнья были—
Любовь вѣдь свѣтлая, она кристаллъ, эѳиръ...
Моя-жъ безлюбая—дрожитъ, какъ лошадь въ мылѣ!
Ей—пиръ отравленный, мошеннический пиръ!

Въ вѣнкѣ изъ тронутыхъ, изъ вянущихъ азалій
Собралась пѣть она... Не смолкъ и первый стихъ,
Какъ маленькихъ дѣтей у ней перевязали,
Сломали руки имъ и ослѣпили ихъ.

Она безполая, у ней для всѣхъ улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкусъ—
Качаетъ цѣлый день она пустыя зыбки
И образокъ въ углу—Сладчайшій Іисусъ...

Я выдумалъ ее—и все-жъ она видѣнье,
Я не люблю ее—и мнѣ она близка;
Недоумѣлая, мое недоумѣнье,
Всегда веселая, она моя Тоска.

12 ноября 1909 г. *)
Царское Село.

*) *Моя Тоска—послѣднее стихотворенiе автора и включено въ книгу уже послѣ его смерти. И. Ѳ. Анненскiй скончался 30 Ноября 1909 года въ Петербургѣ, внезапно, у подъѣзда Царскосельскаго вокзала.*

Изд.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ТРИЛИСТНИКИ.

II.

СКЛАДНИ.

III.

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ.

Сочиненія И. Ѳ. Анненскаго.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объясн. указ. Вышелъ т. I. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Ц. 6 р.

Книга Отраженій. — Проблема Гоголевскаго юмора. Достоевскій до катастрофы. Умирающій Тургеневъ. Три соціальныхъ драмы. Драма настроеній. Бальмонтъ-лирикъ.—Изд. Бр. Башмаковыхъ. Ц. 1 р.

Вторая Книга Отраженій. — Изнанка поэзіи. Бѣлый экстазъ. Іуда. Гейне прикованный. Проблема Гамлета. Брандъ-Ибсенъ. Искусство мысли. (Съ чертежомъ). Ц. 80 к.

Тихія пѣсни (Ник. Т-о) съ приложеніемъ сборника стихотворныхъ переводовъ „Парнасцы и Проклятые". Ц. 1 р.

Кипарисовый ларецъ. Вторая книга стиховъ (посмертная). Кн-во „Грифъ". Ц. 70 к.

Меланиппа-Философъ, трагедія. Ц. 75 к.

Царь Иксіонъ, трагедія съ музыкальными антрактами. Ц. 75 к.

Лаодамія, лирическая трагедія (въ Сб. „Сѣверная Рѣчь"). Ц. 1 р.

Пушкинъ и Царское Село, — въ продажѣ нѣтъ.

Античный миѳъ въ современной французской поэзіи, — въ продажѣ нѣтъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

(посмертныя изданія.)

Театръ Еврипида, т. II.

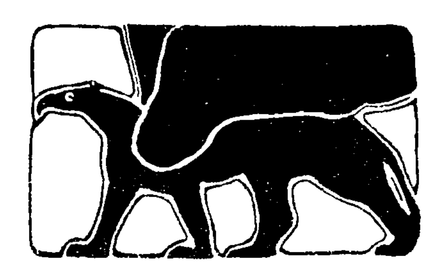
Театръ Еврипида, т. III.

Ѳамира-Киѳарэдъ, вакхическая драма.

Третья книга стиховъ. Стихи, не вошедшіе въ первую и вторую книги. Стихи въ прозѣ. Ранніе стихи.

Книга статей. Статьи, не вышедшія въ первую и вторую Книги Отраженій и др.—Эстетика „Мертвыхъ душъ" и ея наслѣдье. Художественный идеализмъ Гоголя. О эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ. Гейне и мы. Достоевскій. Леконтъ де Лиль и его Эринніи и др.

Лекціи по античной литературѣ.

Книгоиздательство „ГРИФЪ“

I. Альманахъ „Грифъ“. 1903. 1 р. (Распродано).
К. Д. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. I изданіе. Обл. раб. М. Дурнова. 2 р. (Распродано).
Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Пер. Л. и С. Андрусонъ подъ ред. К. Д. Бальмонта. Облож. М. Дурнова. 1 р. (Распродано).
II. Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 25 к.
К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Статьи. Т. I. Искусство и литература. Обл. М. Дурнова. 2 р.
Андрей Бѣлый. Возвратъ. III симфонія. Обл. В. Владимірова. 1 р.
Ѳ. Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. 1 р.
Ѳ. Сологубъ. Книга сказокъ. Обл. М. Дурнова. 80 к.
Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обл. В. Владимірова. 1 р.
А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Поэмы. Предисловіе Андрея Бѣлаго. Обложка В. Владимірова. 1 руб.
III. Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 30 к.
Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. (Распрод.)
К. Д. Бальмонтъ. Литургія Красоты. Стихи. Обл. М. Сабашниковой. 2 р.
К. Д. Бальмонтъ. Фейныя сказки. Стихи. 80 к.
Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріана Грэя. Перев. А. Минцловой. Нумеров. изд. съ рис. М. Дурнова. 3 р.
Оскаръ Уайльдъ. Замыслы. Пер. А. Минцловой. Обл. раб. В. Миліоти. 1 р. 40 к.
Сергѣй Кречетовъ. Алая книга. (Конфисковано. Въ продажѣ не имѣется).
А. Курсинскій. Сквозь призму души. Стихи и разсказы. Обл. Н. Сапунова. 1 р.
Л. Вилькина-Минская. Мой садъ. Сонеты и разсказы. Обл. раб. В. Миліоти. 1 р.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миѳологическій романъ. Обл. раб. Я. Бельзена. 1 р.

А. Бѣлый. Урна. Книга стиховъ. 1 р.

Нина Петровская. Sanctus amor. Разсказы. 60 к.

И. Новиковъ. Духу Святому. Стихи. Обл. раб. Н. Крымова. 1 р.

С. Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. Обложка и фронтисписъ А. Силина. 1 р.

К. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. II изданіе. 1 р.

О. Дымовъ. Земля цвѣтетъ. Разсказы. Обл. З. Эліасбергъ. 1 р.

С. Кречетовъ. Летучій голландецъ. Вторая книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Ц. 80 к.

В. Ходасевичъ. Молодость. Стихи. 70 к.

А. Мирэ. Черная пантера. Разсказы. 80 к.

Александръ Діесперовъ. Стихотворенія (готовятся).

Malleus maleficarum. Молотъ вѣдьмъ. Якова Шпренгера и Институра. Руководство для инквизиціонныхъ судовъ по вѣдовскимъ процессамъ. Издано впервые въ 1487 году. Переводъ А. Брюсова и В. Ходасевича. Вступительная статья и примѣчанія А. Брюсова. (Готовится).

М. Волошинъ. Стихи. 1800—1910. Обложка А. Арнштама. Рисунки въ текстѣ К. Богоевскаго. 80 к.

И. Ѳ. Анненскій. Кипарисовый ларецъ. Книга стиховъ. Посмертное изданіе. 70 к.

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ.

К. Бальмонтъ. Подъ сѣвернымъ небомъ. Стихи. Ц. 50 к.

Адресъ К-ва: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. Синицына, кв. 22. Тел. 159-92.

Адресъ для денежн. переводовъ: Москва, Тверская. Благовѣщенскій пер., д. Синицына, С. А. Соколову,

Петербургское отдѣленіе: СПБ., Невскій 104, кв. 30. Складъ „Земля".

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

Кіевъ: книжн. маг. „**Трудъ**" Фундуклеевская.

Одесса: Д. М. Шаргородскій. Пушкинская, 66.

Вильна: Высоцкій. Большая, 56.

При непоср. выпискѣ пересылка на счетъ „**Грифа**".

Провинц. магазинамъ при выпискѣ на наличныя скидка 20%.

*Редакторъ **С. А. Соколовъ.***